

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л. С. Клейн

ГЛУБИНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА
И ПРОБЛЕМА РЕКОНВЕРСИИ**L.S.Klejn. The Depth of Archaeological Fact and the Problem of Reconversion.**

From the viewpoint of philosophical-methodological analysis, archaeological fact is confronted here with historical fact and with scientific fact in general. Among all the three, archaeological fact is the most elaborated concept. This is not only because for archaeologist this elaboration is not pure philosophising but has output into archaeological practice. The other cause is that archaeological fact is by itself more complicated than others.

The normative scheme of the archaeological research design is called by David Clarke a «model of archaeological procedure» and presented as one of the three parts of general theory of archaeology. As V. S. Bochkarev notes, ideally «procedure has rigid structure not allowing levels to be lost or mixed». Usually authors of theoretical considerations in this theme substantiate neither suggested normative schemes of this structure nor imperative demand of rigid structure. The substantiating demands to work out notions on epistemological multistep nature of archaeological fact, on its division in depth. On the basis of these notions lies the idea of conversion of archaeological information on its way from the sources of sociocultural phenomena up to the reflection in scholarly literature. Information passes as if through the floodgates in which it is filtrated and suffers changes. Correspondingly reconversion is needed for reconstruction of the past.

In modern elaborations of the procedure usually steps 3 to 7 in conversion are listed (and corresponding steps of reconversion). However, there are many more of them. Especially remarkable in theoretical elaborations of some Western scholars is the gap associated with idealistic views. The present study accounts 14 steps of conversion/reconversion of information.

Floodgates through which information must go are placed in a strict order. It is predestined by the essence of complex but integral process of forming, disappearing and cognition of material culture. In each floodgate a part of information is lost, other can be distorted. These changes are regular, stereotyped, for each floodgate their own. Knowing these regularities and judging by the state of information after such act plus by attracting external indirect data, we can judge on the pattern of information before its entering this floodgate.

In the case of omission of some floodgate those changes which were produced in this floodgate will not be caught and recognised. Consequently the peculiarities of information emerged here will be ascribed to earlier causes. The initial state of information will be wrongly reconstructed. In the initial stage factors will be supposed, which were not present in reality. This is why so necessary is to reveal all the floodgates as well as trace the full course of conversion and a strict succession in reconversion on the way back through all the floodgates.

The naive notions of dilettantes and early Positivists, who did not suspect the multilevel nature of archaeological fact and did not know that one shouldn't directly leap from archaeological remains to events and social phenomena of the historical past, were discredited long ago.

I. Исторический факт и историки

1. Факты и тексты

В начале XIX в. британский раскопщик сэра Ричард Хор гордился тем, что не прибегает к теории. «Мы говорим от фактов, а не от теории», — написал он во введении к своей книге (Hoare 1812).

Факт издавна противопоставлялся *теории* как истинная и солидная реальность легковесным спекуляциям. Позже, по мере того, как теории обретали авторитет в науке, факт стал рассматриваться как необходимая база любых теорий, а затем — как их пробный камень, критерий проверки. Философия (в част-

ности, методология науки) уделяет проблеме факта изрядное внимание (Goodman 1951; 1965; Нарский 1961: 118-145; Косолапов 1964; 1965; Мерзон 1968; Штофф 1972: 105-116). *Факт науки* оказался весьма сложным явлением. В каждом факте слита воедино информация разного происхождения, и расчленить ее — непростая задача (Штофф 1972: 110-111, 114-115; Герасимов 1972: 190-191).

Но в археологии удивительно мало теоретических разработок этой проблемы. Первые специальные статьи об археологическом фак-

те появились на Западе в середине 30-х гг. нынешнего века (Strong 1936; Steward and Setzler 1938), а в СССР — в середине 70-х (Викторова 1975а; Захарук 1977; Шер 1985).

Гораздо раньше археологов сложность проблемы научного факта осознали историки, работающие по письменным источникам. Их понимание факта, несомненно, повлияло на представления археологов, поэтому стоит рассмотреть сначала взгляды историков. В истории факт всегда выступает первоначально в виде *сообщения* письменного источника.

Сейчас трудно представить себе, сколь велика была доверчивость античных и средневековых историков: все, что написано и освящено мифологией, авторитетом древних авторов и книжной традицией, воспринималось как достоверное. Еще в конце Ренессанса М.Монтень (Опыты, кн. III, гл. VIII) требовал от историков: «Пусть они передают нам историю в том виде, в каком ее получают, а не так, как они ее оценивают».

Однако уже с конца XVII в., как показывает М.Блок (1973: 46-51, 73), картезианское сомнение привело Б.Спинозу, Р.Симона, Ж.Мабильона и др. к созданию методов проверки подлинности исторических документов, то есть методов *внешней критики* источников. Этой критике не избежала даже Библия — «Критическая история Ветхого Завета» Р.Симона вышла в 1678 г. (Simon 1678). Автора не сожгли. Но именно пример с Библией показывает, что эта критика мало затрагивала содержание источника: критики частенько оставались верующими христианами. Даже отвергая сверхъестественную природу библейских и прочих чудес, скептики не отрицали самих событий — только старались подыскать им прозаическое, естественное объяснение (Блок 1973: 74).

В этих пределах *научный факт* вообще еще долго воспринимался учеными как нечто прочное, очевидное, само собой разумеющееся и отождествляемое с *событием*, или шире — с *явлением действительности*.

Это была позиция обыденного «здорового смысла» или наивного (вульгарного) эмпиризма (по распространенной на Западе терминологии, «наивного исторического реализма»). В исторической науке ее занимал Л.Ранке (первая половина XIX в.). Для него и его последователей факты были «твердым телом» истории, и нужно было только накапливать их побольше, строго описывать и бесхитростно излагать, чтобы установить, «как оно было на самом деле» — «wie es eigentlich gewesen ist» (Ranke 1874: VII). «Основой исторической науки, — писал другой представитель «немецкой исторической школы» Эд.Мейер, — всегда останутся факты, то есть то, что реально познаваемо...» (Мейер 1904: 47).

Критика не отвергалась, более того — она была поднята на более высокую ступень: те-

перь уже и содержание документов было заподозрено в неточности, ненадежности, авторы их — в тенденциозности. К внешней критике источников добавилась внутренняя, детище «немецкой исторической школы» (от Б.Нибура, А.Шлецера и Л.Ранке до Э.Мейера и Э.Бернгейма). Однако эта удвоенная критика должна была лишь вылуцывать факты из шелухи искажений и наслоений, и предполагалось, что простое сложение этих «очищенных» фактов наталкивает непредвзятого историка на понимание хода истории, поскольку «факты сами за себя говорят». «Все факты являются одинаково важными». «Погашение» (Auslöschung) индивидуальной предвзятости историка, его «я» считалось вполне осуществимой задачей.

«Исторические факты, — иронизирует по этому поводу К.Беккер, — стали в конце концов казаться чем-то прочным, реальным и вещественным, как физическая материя, чем-то обладающим определенной формой и ясными, устойчивыми очертаниями, как кирпичи и другие строительные материалы, так что мы можем легко представить историка, который спотыкается в прошлом, ушибая ноги о не замеченные им твердые факты» (C.L.Becker, цит. по: Кон 1959: 238).

Э.Карр называет этот наивный эмпиризм «ересью девятнадцатого века» и поражается: «Когда в 1830 году Ранке... отмечает, что задача историка — просто показать, “как в действительности было” (“wie es eigentlich gewesen”), этот не очень глубокий афоризм имел удивительный успех. Три поколения германских, британских и даже французских историков маршировали в сражение, выкрикивая магические слова “wie es eigentlich gewesen” как заклинание, предназначенное, подобно большинству заклинаний, избавить их от неприятной обязанности мыслить самому» (Carр 1964: 9).

Концепция ранних позитивистов в историографии (И.Тэн, Г.Т.Бокль, Н.Д.Фюстель де Куланж) отличалась в данном аспекте от рассмотренной тем, что подчеркивала сводимость фактов к продуктам непосредственного объективного наблюдения историка, то есть к препарированным источникам, документам, текстам. По Фюстель де Куланжу, история — «не наука рассуждений», а «наука наблюдений», «наука фактов» — une science de faits (Fustel de Coulanges 1922: 278). Факты существуют только в виде наших ощущений и познаются только как суммы ощущений, рассуждения же (спекуляции) опасны: они способны исказить факты. Надо лишь «хорошо видеть факты».

Свой метод сам Фюстель де Куланж сводил к трем правилам: «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом устранять из истории прошлого современные идеи, занесенные туда ложною методою» (Фюстель де Ку-

ланж 1907: XVI). Отсюда лозунг: «Тексты, все тексты, ничего, кроме текстов!» (цит. по: Гуревич 1969: 61-62).

Уже в этой идее заключалась искра пожара, разожженного неопозитивистами. Суть их трактовки проста и вроде бы последовательна. Если факт неизвестен вне *ощущений*, то он — *продукт сознания*, ибо одни ощущения недостаточны для образования понятий. Ощущения связываются *мыслью*. Значит, без рассуждений не обойтись. «Фактом, — пояснял Ш.Сеньобос, — называется... такое утверждение или суждение, которое соединяет вместе несколько впечатлений, утверждая, что эти впечатления соответствуют внешней действительности». «Воображаемые историком факты строго субъективны», хотя и имеют соответствие с реальностью. Это соответствие выясняется путем сопоставления «с существующей реальностью» (Сеньобос 1902: 63).

Недостаток документов и фактов историк вправе восполнять рассуждением. Но он не должен затем принимать результат за объективную реальность. Истинное познание — не объективная картина, а, как выражается И.Г.Дройзен, «суррогат истории» (цит. по: Сгосе: 404). Так учили образцовые методисты этого времени Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобос (1899: 174-176, 179, 201). Такова же и позиция А.Тойнби (Тоунбее 1964: 229-230).

Таким образом, неопозитивисты распознали двойственную природу научного факта — того, с которым вынуждены иметь дело ученые. С одной стороны, в нем налицо отражение фрагмента объективной действительности, а с другой — результат отбора наблюдателем, результат подведения под готовые понятия при описании, а для историков — еще и результат мысленного восполнения, реконструкции: ведь самого события уже нет. Значение этой субъективной стороны все более возрастает в представлении историков, факты все более отождествляются с логическими конструкциями и признаются все более условными. События действительности все более тают за ними.

Ученые «критической школы» (Ф.Мэтланд и др.) показывают, что многие факты истории, казавшиеся четкими и бесспорными, при вдумчивом рассмотрении оказываются неопределенными, расплывчатыми, изменчивыми (см. Гуревич 1969: 67-68).

Наиболее радикальные из неокантианцев, последователей Г.Риккорта и В.Виндельбанда, удалив закономерность из истории и абсолютизовав индивидуальность фактов истории, выбрали последнюю объективную опору из под отбора материала, объявив отбор безнадежно произвольным, подведение под готовые понятия — незаконным, а реконструкцию — бездоказательной. «Прошлое означает только хаос», — провозглашает И. Хейзинга, так что «в отношении прошлого история явля-

ется всегда приданием формы...». Иными словами, историк лепит факты из сырой материи прошлого.

Отсюда презентисты (Б.Кроче, Л.Беккер, Ч.Э.Берд) сделали вывод, что факт истории хоть и стимулирован сведениями о каком-то событии прошлого, но существует только в уме историка, только в современности, он связан с условиями современности, и именно эти его связи имеют определяющее значение для истории. «Исторический факт, — пишет Беккер, — находится в чем-либо сознании или нигде» (цит. по: Кон 1959: 239). Он существует ныне, а не в прошлом (is, not was) (цит. по: Гуревич 1969: 74-75).

В талантливой и впечатляющей книге Р. Коллингвуда «Идея истории» объединены в органичный сплав, в единую субъективно-идеалистическую теорию соображения неопозитивистов, неогегельянцев, неокантианцев и презентистов. Исторический факт для Коллингвуда есть «умственная конструкция». Факты — не просто «установленные точки (fixed points), между которыми историческое воображение плетет свою сеть». Они вылеплены из сырья источников, но это сырье отображено в критическом мышлении и формовано им, а вот оно-то, мышление, исходит из этой самой сети.

«Эта конструкция основывает свою значимость вовсе не на поддержке данными фактами, а как раз наоборот — она служит пробным камнем, с ее помощью мы решаем, являются ли утверждения о данных фактах верными». Это значит, что «сеть воображаемой конструкции гораздо тверже и крепче» тех «установленных» или «твердых пунктов», которые и являются историческими фактами. Следовательно, историческое познание не возникает из фактов: «историческое познание может возникнуть только из исторического познания» (Collingwood 1961: 243-244). А оно откуда? А оно есть самоопределяющаяся идея истории — врожденная или, по терминологии Канта, «априорная». Она оказывается иной не только от поколения к поколению, но и от историка к исторiku, и даже у одного и того же историка в разные годы (Collingwood 1961: 247-248).

Таким образом, от абсолютизации объективной стороны научного факта (в частности, факта истории) западная наука отшатнулась к противоположной крайности — к абсолютизации его субъективной стороны. Соответственно переместился и сам термин «факт»: от обозначения явлений прошлого он сдвинулся к описанию и интерпретации этого явления.

«В результате разрушительной работы философов-релятивистов и подавшихся их влиянию историков, — резюмирует положение А.Я.Гуревич (1969: 74-75), — стройное здание позитивистской методологии истории было взорвано. Среди дымящихся развалин корчился в предсмертных муках исторический факт.

Он потерял плоть и не был похож на самого себя; ему отказали не только в подлинности, но даже и в праве на объективное существование; за ним все более проступало лицо историка — его творца и единственного обладателя. Вкусив по наущению сатаны скептицизма запретный плод от древа философского познания, потерявший методологическую невинность историк увидел пустоту вокруг себя: истории вне его не существовало, он был обречен на то, чтобы создавать ее исключительно из собственной набитой предрассудками головы. Наказание за грехопадение заключалось в том, что каждое

новое поколение историков обязано было переписывать историю заново, не имея никакой гарантии, что они хоть сколько-нибудь приблизятся к истине. Прощай, наука!».

Надо признать, однако, что все эти драматические пертурбации происходят с фактом главным образом в теоретических эмпириях. На земле же добросовестные историки продолжают скрупулезно выявлять факты, придирчиво проверять на них выводы своих коллег, осторожно возводить собственные здания. Словом, знамена сменяются, ветер развеивает их то в одну сторону, то в другую, а караван идет себе.

2. Потеря марксистской невинности

Ортодоксально марксистские ученые, признавая сложность исторического факта, вступились за его познаваемость, за достижимость его объективной сути — ведь от этого зависела доказательность самого марксистского учения. Сведения, содержащиеся в историческом источнике, эти ученые привыкли рассматривать как отражение событий и явлений исторической действительности, пусть искаженное, но происходящее по определенным законам, поддающимся установлению (Быковский 1931: 29-31; Иванов 1962).

Более того, в любом источнике эти исследователи сочли возможным видеть не только *отражение*, но и *остаток* какого-то исторического явления — не всегда того, которое отражается в нем, но реального и интересного для историка (Авдеев 1925: 158; Саар 1930: 12-15 и др.).

Как отмечает Н.Ирибаджаков в своей книге, содержащей наиболее полное и глубокое марксистское исследование проблемы исторического факта, «историческое прошлое существует как объективная реальность не только в вещественных останках его материальной и духовной культуры. Бесчисленными способами оно вплетено в ткань современности как объективная реальность» (Ирибаджаков 1972: 277). Революции совершились давно, но существуют социальные структуры, ими созданные. Войны отгремели, но сохранились передвинутые ими границы и порожденные ими реваншистские, пацифистские и другие настроения масс, и т. д. Вот та перспектива, в которой объективная сторона исторического факта проверяется и поддерживается в конечном счете всей жизненной практикой человечества (разумеется, это не гарантирует бесспорности каждого отдельного решения).

Не обошлось без упрощений. Упрощения можно рассматривать как вульгаризацию марксизма (что и делалось, когда очередное упрощение становилось слишком очевидным), а можно и как суть доктрины (что, вероятно, ближе к истине). Соответственно, критику этих упр-

ощений можно расценивать как очистку завеса от искажений, а можно — как ревизию или даже опровержение. Так или иначе, упрощения налицо.

Н.Ирибаджаков считает верной старую идею эмпиристов, что «твердое тело фактов» существует «объективно и независимо от интерпретации историка». Отрицать эту идею, по его мнению, могут только приверженцы субъективного идеализма (Ирибаджаков 1972: 288-289). Даже в советской науке это грозное предостережение не у всех находило поддержку. То, что стоило бы сказать о *событиях прошлого*, сказано о *фактах исторической науки*. Проигнорирована сложность исторического факта. Источники содержат информацию о событиях прошлого, так сказать, в переработанном, зашифрованном виде и не открывают ее без расшифровки. Факты берутся из источников и, следовательно, включают в себя эту информацию — вместе с расшифровкой.

А.Я.Гуревич по другому поводу замечает: «Нельзя согласиться с оценкой исторического факта как твердого ядра в окружающей его мякоти противоречивых интерпретаций... Научный факт неотделим от его интерпретации, понятие факта включает в себя и его интерпретацию» (Гуревич 1969: 82, прим. 58). Философ В.С.Библер добавляет парадоксальную, но не очень точную формулировку этой антиномии: «Факт не зависим от нашего знания о нем, но факт (данный факт...) включает в себя деятельность современного исследователя..., деятельность по расшифровке» (Библер 1969: 98-101). Материалистическое утверждение объективной стороны факта — не в отрицании зависимости факта от интерпретации, а в признании возможности объективной интерпретации как цели, как идеала, в признании, по крайней мере, частичной достижимости уровня событий прошлого через интерпретацию факта. Впрочем, и это не стоило бы упрощать.

Другой пример упрощения. А.П.Пронштейн в солидном учебнике счел нужным утверждать, что «нет никаких объективных препятствий для

познания исторической действительности по фактам и явлениям, сохранившимся в источниках. Не имеется для этого препятствий и субъективного характера» (Пронштейн 1971: 22). Вот как, ни объективных, ни субъективных! При такой трактовке марксистское понимание объективности фактов опять же не отличить от представлений наивного эмпиризма. Правильнее было бы сказать, что препятствия большей частью преодолимы или частично преодолимы.

Возможно, эти упрощения не столько отражают упрощенческую суть доктрины, сколько являются наследием (или, если угодно, пережитком) того времени, когда марксистские философы в пылу борьбы против агностицизма перегнули палку в этом вопросе. Отстаивая познаваемость истории и возможности объективной исторической науки, они стали так настойчиво подчеркивать зависимость исторических образов от реальных фигур, что упустили из виду зависимость от взглядов историка и т. п. По сути, это было равносильно отождествлению событий действительности с их отображением в исторической науке.

Неправомерность такого отождествления отмечает Н.М.Дорошенко (1971: 37-38). Н.П.Французова находит такое отождествление в статье А.Я.Гуревича, поскольку тот определяет факт как «событие или явление прошлого», а не как «реконструкцию», на чем настаивает Н.П.Французова (1972: 252-254).

В последние десятилетия советские философы расчленили понятие факта в глубину на две ступени, образуя два понятия: 1) *явление, факт действительности (факт 1)* — событие или процесс действительности, попавшие в поле наблюдения, и 2) *материал, факт науки (факт 2)* — отображение этого явления в наблюдении и описании, фактофиксирующее предложение (Косолапов 1965; Штофф 1972: 106-107, 112-115). Философы считают это деление адекватным и применительно к исторической науке (Дорошенко 1968: 24-25). При этом, учитывая специфику исторической науки, они иногда вводят и третью ступень, различая в материале, во-первых, *наблюдение (в прошлом)*, то есть отражение события в сознании его современников и очевидцев (то, что можно назвать *свидетельством*) и, во-вторых, последующее *отражение* в сознании и творчестве исследователей (то, что можно назвать *данным*) (Дорошенко 1971: 38).

Соответственно, историк М.А.Барг различает 1) «*факт истории*» — собственно «*исторический факт*», 2) «*сообщение источника*» и 3) «*научно-исторический факт*» — данные, полученные из источника и осмысленные историком (Барг 1984: 152).

Иные историки склонны сейчас к еще большему дроблению. Отражение событий в сознании наблюдателя (свидетельство) они расщепляют надвое: *восприятие* события наблюдателем (то, что он видит, его представление) — это одно, а *фиксация* этого отражения в устном, письменном или изобразительном источнике (то, что наблюдатель сообщает, его показание) — нечто иное (Гуревич 1969: 82-83).

Итак, всякий исторический факт оказывается по своей гносеологической природе многоступенчатым: *явление прошлого* — *свидетельское восприятие* — *показание источника* — *данное исторической науки*. Вся эта четырехчленная схема, по сути, есть цепочка преобразования исходной информации в процессе познания. Осознание этой расчлененности, этой ступенчатости факта важно потому, что на каждом этапе преобразования, в каждом звене возможны потери информации, искажение ее, обогащение дополнительной информацией — и это необходимо учитывать историку.

В процессе исследования мысль историка движется обратным путем — так сказать, навстречу информации, то есть от данных к явлению. Даже при неукоснительном соблюдении постепенности этого продвижения — от этапа к этапу — трудность продвижения не снимается. Дело в том, что установление адекватности каждого достигнутого понятия следующему за ним не может быть осуществлена простым их сопоставлением. Ведь при «чистом» однолинейном познании факта каждое последующее, глубже лежащее понятие заключено в предыдущем — подобно матрешкам. А в каждом случае утерянные части информации как-бы отсечены и остались вне матрешки. Для их восстановления требуется многое: привлечение других фактов и теоретических идей, работа по их сопоставлению. У историков она называется критикой источников. Внешняя критика выясняет соотношение «данных» с «показаниями». Далее вступает в силу внутренняя критика, которая продвигается от «показания» через «представление» к «явлению».

Так обстоит дело с историческим фактом. А как понимался и понимается факт в археологии?

II. Археологический факт

3. От факта к данным

Долгое время археологический факт (АФ) воспринимался археологами как нечто простое, твердое и самоочевидное — археология, подобно истории, начинала с наивного эмпи-

ризма, но задержалась на этом этапе дольше, чем история. «Археология, — говорил хранитель Ашмолеанского музея Паркер, — это история, изучаемая глазами, показом серий ося-

заемых объектов» (цит по: Daniel 1967: 141). «При этом, — писал о стратиграфических данных В.А.Городцов, — не требуется никаких субъективных вмешательств исследователя, так как каждое явление, каждая вещь должны говорить сами за себя...» (Городцов 1908: 11).

Накопление ошибок и подделок (Munro 1905; Atnau 1959; Atnau 1961; Paul 1963) показало археологам, что очевидность АФ может быть обманчивой. Пришлось разработать методику проверки подлинности и доброкачества объектов археологии. И хотя эта методика была несомненным соответствием «внешней» критике письменных источников (Text-Kritik), у археологов она называется просто «критикой источников» (например, Jacob-Friesen 1928: 98; Круглов, Подгаецкий 1935, глава II «Критика источников»: 14-31) — явное свидетельство того, что какая-либо еще, иная критика источников не мыслилась потребной. По принятой тогда классификации исторических источников, письменные попадали в разряд «предания» и признавались намеренными, тенденциозными, а археологические угождали в категорию «остатки» и считались (за вычетом современных фальшивок) непроизвольными, объективными (обзор и критику этих взглядов см.: Пронштейн 1971: 17, 23-25).

«Но это ни в коем случае не так! — восклицает Г.Ю.Эггерс. — И археологические памятники могут лгать!» (Eggers 1950: 52). Он имеет в виду, что информация, содержащаяся даже в подлинных материальных древностях, не вполне адекватна отражаемым явлениям прошлого. Сохранились не все сведения, «ужимание» происходило непропорционально, металл «не пропускали» в культурный слой (шел в переплавку), в могилу клали специально отобранные вещи, чтобы достойно представить покойника на том свете (тенденциозность! субъективный фактор!) и т. д. Г.Ю.Эггерс отмечает три фазы в перестройке информации: живая культура — мертвая культура — давно умершая (музейная) культура (Eggers 1959). В общем, Г.Ю.Эггерс и другие археологи ФРГ (Э.Вале, Р.Гахман), выявляя «границы познавательных возможностей» археологии (Wahle 1941; Nachmann et al. 1962: 16-28), ссылаются на искажения информации в средней части ее пробега.

Американские и английские археологи усмотрели такую же ущербность в начале и в конце пробега, увидев и там фильтрующие шлюзы, через которые трудно, с потерями протискивается информация.

Какие шлюзы располагаются в начале пробега? С точки зрения У.Тэйлора, культура «состоит из идей», этнограф наблюдает их объективацию в поведении, а археологу достаются лишь вещественные результаты этого поведения (Taylor 1948: 97-115). Таким образом, АФ, по У.Тэйлору, — это третья ступень от сути куль-

туры, а на каждой ступени возможны сдвиги значения и утечка информации. Другие авторы поясняют: ни язык, ни социальные отношения, ни идеология не откладываются в археологических материалах, «и это, — пишет Г.Даниел (Daniel 1962: 127-128), — есть фундаментальное ограничение преистории» (под преисторией он имел в виду первобытную археологию). Дж.Гриффин говаривал, что «никогда не выдал кого-либо, кому бы удалось откопать систему родства» (Binford 1972: 8). Идеи же объективируются по-разному: многое зависит от субъективного фактора — свободной воли личностей, а она чужда регулярности.

Как у англичан и американцев обстоит дело с концом пробега информации? Здесь современные критики всячески выпячивают субъективный вклад исследователя. Не так давно Г.Чайлд полагал: «Культуры — это наблюдаемые факты» (Childe 1935: 3). А Г.Даниел возражает: «культуры современного археолога... — это всего лишь служебные понятия» (Daniel 1950: 319). А.Кригер и О.Сполдинг отстаивали идею, что типы открываются в материале и характеризуют состояние фактов (Krieger 1944; Spaulding 1953). Дж.Бру и Дж.Форд возражают: типы конструируются исследователем и налагаются на материал (Brew 1946; Ford 1954a; Ford 1962). Дж.Форд иронизирует над представлением О.Дж.Сполдинга о «мире, наполненном упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, спрятанные в траве на лужайке» (Ford 1954b).

Дэвид Кларк так резюмировал эти скептические взгляды: «В археологии единственные факты — это артефакты» (Clarke 1968: 41). Но и артефакты невозможно описать без подведения их под набор понятий, который держится в уме исследователя. Со своей стороны, Д.Кларк отмечает: «Эти факты оказываются наблюдениями, в которых природа наблюдателя и его намерения играют большую роль...» (Clarke 1968: 21). В таком случае в археологии вообще не остается фактов или... Или все ее факты надо признать в большой мере конструкциями исследователя и в этом смысле — артефактами. Только это будут не древние артефакты, а современные, наши артефакты (и, разумеется артефакты не в смысле рукодельности, а в смысле искусственности).

Симпатии Д.Кларка к этим скептическим взглядам не случайны. Они отражают настроения, царившие в «новой археологии». Нео- и постпозитивистская философия «новой археологии» побуждала ее с самого начала выступить против эмпиризма и породила в ней некоторое пренебрежение к фактам — в пользу теории. «Факты сами за себя не говорят», учил Л.Бинфорд. Факты изначально нагружены теорией, они не существуют сами по себе, вне теоретического подхода, отбора, препарирования.

Надо подняться «над морем фактов», объяснить их, выявлять закономерности, строить теорию.

Главная же основа пренебрежения «новых археологов» к каждому отдельному факту — это их антропологическая и социологическая выучка, их погоня за универсальными законами культурно-исторического процесса. По этой причине для них факты часто взаимозаменяемы и важны лишь постольку, поскольку на основе их изучения можно вывести закон. Они важны лишь до тех пор, пока такой закон не выведен. Затем факты теряют значение. Они отбираются со специальной нацеленностью на решение некоторой проблемы — другие факты просто не нужны.

Предпочтением теории и нацеленностью на законы «новые археологи» отличаются в этом вопросе от прямых последователей У.Тэйлора, контекстуалистов. Те ведь тоже признают гносеологическую инертность фактов, их подвластность интерпретации, их «нагруженность теорией» и прочее, но каждый отдельный факт они почитают, а совокупность фактов образует для них не базу для универсального закона, а уникальный контекст.

Противник «новой археологии» П.Курбэн иронизирует: в противовес старой, традиционной археологии «новая археология» декларирует, что «нет “сырых”, “нейтральных”, “объективных” фактов, нет “основных данных”, нет “неструктурированных” сборов данных, нет данных, которые бы “говорили сами за себя”. (А разве кто-либо когда-либо считал, что говорят? — Л.К.). Факты появляются только в “системе увязки”, в системе подхода, эксплицитно заданной заранее... Каждый (исследователь) всегда имеет и всегда имел “систему увязки”...» (Courbin 1988: 119).

Ну, это несколько преувеличено. Как мы видели, были и другие установки. Да и сам же Курбэн, уличив «новых археологов» в тайном доверии к фактам, добытым традиционной археологией, заключает: «В сущности, хоть это и неправильно на деле, не проще ли признать (лишь из практических соображений), что факты существуют независимо от точного подхода к проблемам» (Courbin 1988: 119).

Тайное доверие «новых археологов» к фактам он усмотрел верно. Оно обусловлено тем, что отношение «новой археологии» к фактам зависит прежде всего от ее теоретической установки на системный подход. «Новая археология» представляет культуру системой, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Таким образом, для археолога, вооруженного методом системного анализа, не беда, что факты археологии нагружены теорией, содержат элементы трактовки. Благодаря корреляции фактов в системе эта трактовка прочна и потенциально однозначна. С самого начала Л.Бинфорд рассказывал артефакты на *тех-*

номические, социотехнические и идеотехнические — по их напрашивающейся трактовке, по их содержанию (Binford 1962). Впоследствии он сам признал эту разбивку «несколько глуповатой» — somewhat silly (Binford 1972: 17). Другие «новые археологи» занялись поисками более узко определенных «коррелятов» (Hill 1970: 63; Schiffer 1972: 12-13).

Глубина фактов здесь теоретически признана, но на практике лицо факта оказывается плоским. Факты по-прежнему говорят сами за себя, хотя и шепотом, на ушко исследователю.

Археологические системы, как они вырисовывались из прямой генерализации фактов, приравнивались в «новой археологии» к культурным системам прошлого — таким, какими они жили. Трассировка этих археологических систем (экстраполяцией и интерполяцией) через последовательные стратиграфические плоскости — через срезы времени — рассматривалась как действительное развитие. Любые изменения систем на этом пути принимались за изменения живых культур прошлого, изменения, которым надо подыскивать причины в прошлой жизни — воздействия природной среды, соседних культур, действие внутренних факторов.

Между тем, какие-то из этих изменений в археологических системах были вовсе не отражением явлений прошлой жизни культурных систем, а всего лишь искажениями, внесенными в них, так сказать, посмертно — когда это уже были чисто археологические системы: выпадение целых фракций материала из-за неравномерного разрушения различных веществ, неровности исследования и т. п.

Однако в первой половине 70-х годов робко, а во второй — более уверенно на базе «новой археологии» («процессуальной археологии») сформировался иной подход, названный «бихевиорной археологией». Центр тяжести он перенес с изучения культурно-исторического процесса на изучение формирования археологического источника. Суть была именно в осознании глубины археологического факта, многостепенности преобразований информации. В первой же схеме М.Шиффер рисует путь материалов из *жизненного контекста* (он его называет «системным») в *археологический контекст*: обзаведение заготовкой — изготовление — употребление — выбрасывание — упокоение в отбросах (Schiffer 1972). Позже схема стала более детальной, развернутой на конкретных примерах (Schiffer 1976, fig. 4.3).

Наиболее многоступенчатую схему АФ предложил исследователь из Нигерии С.Г.Х.Даниелс (Daniels 1972: 201 — 209, fig. 5.1). Его «модель происхождения (или обусловленности) археологической информации», разработанная применительно к изолированному поселению, показывает 7 уровней:

1) потенциальная популяция артефактов,

предлагаемая культурной матрицей;

- 2) действительно отложившаяся популяция;
- 3) сохранившаяся ее фракция;
- 4) часть, попавшая в раскопаемый объем;
- 5) обнаруженные артефакты;
- 6) учтенные данные;
- 7) опубликованные данные.

Между уровнями (так сказать, на шлюзах) у него вклиниваются факторы, воздействующие на информацию. Они вклиниваются с двух сторон: слева на схеме показаны *контролируемые* исследователем факторы (например, выбор места раскопа), справа — *неконтролируемые* (например, переотложение). По расположению на трассе пробег информации эти факторы делятся на три ряда: *исторические, постдепозиционные* (от отложения в земле до раскопок) и *методические*. Только последние обозначены как контролируемые — расположенные слева. В статье детально рассмотрены основные виды ошибок на этих уровнях («шум», несистематические ошибки, предвзятость) и меры по их устранению (формализация процедур, введение избыточности, рандомизация). Постдепозиционные факторы расположены справа, и о них сказано: «Самое большее, что можно сделать, это оценить их эффекты и попытаться как-то отвести им место» (Daniels 1972: 202). Приведены примеры такой подправки (привлечение теоретических моделей с применением математического критерия Колмогорова — Смирнова). По-видимому, на схеме 5.3 у Дэниелса следовало бы поменять местами «формализацию процедур» и «рандомизацию»: последней больше подавляется «шум», чем «предвзятость».

Видимо, не без влияния этой работы, переданной для публикации Д.Кларку, и сам Д.Кларк разработал схему движения информации по уровням Аф от предепозиционной ситуации через депозиционную и постдепозиционную к ситуации открытия, а затем к анализу и интерпретации (Clarke 1973: 15-16).

В этой обстановке и Л.Бинфорд представляет в конце 80-х годов более сложную, чем раньше, схему соотношений, в которой он помещает «факт», «явление», «событие», «данное», не очень подробно уточняя каждое из этих понятий.

«В науке термин “факт” относится к аспектам актуального проявления события. Более важно, что ученые в общем придают статус факта “распознаваемому” одиночному событию, состоявшемуся в определенное время. Факт существует в событии..., которое состоялось однажды и затем ушло навечно, тогда как данные являются представлением фактов посредством относительно постоянной устоявшейся документации. ... Если мы признаем уравнение фактов с событиями, то должны заключить, что археологи никогда не могут работать с фактами прошлого. Однако археологи производят

много данных как результат их изучения и наблюдений над археологическим источником... Какие же события археологи описывают, производя данные? Они фиксируют события наблюдения, в которых участвуют... Эти записи наблюдения, сообщаемые как данные археологии, относятся к современным фактам — современным событиям наблюдения. Никакие исторические факты (прошлые события) недоступны археологическому наблюдению. Археологи производят данные из фактов современных наблюдений над артефактами».

Наблюдения над одним черепком или наконечником стрелы трактуются как одно событие и, следовательно, «источник факта». «Когда археологическое явление открывается в археологическом контексте..., кажется вероятным, что артефакты должны принадлежать к прошлым событиям... Тем не менее, мы не можем путать импликации с фактами. ...Нет исторических фактов, оставшихся для нас, чтобы мы их увидели и зафиксировали» (Binford 1989b: 55-57).

Итак, в прошлом происходили *события*, ставшие достоянием истории (это *исторические факты*). От них сохранились *археологические остатки*, артефакты, источники. *Наблюдения* над этими источниками — тоже *события*, но современные (или современные факты). Фиксация этих наблюдений является *данными* — их производят археологи. По данным мы судим о давних событиях, но эти последние для нас не факты, а лишь импликации, выводы.

Стало быть, факт археологии у Л.Бинфорда расслоился на *исторический* (событие прошлого) и *современный* (нынешний акт археологического наблюдения). При этом есть еще две остановки в движении информации, две ступени факта, обе — отражающие, фиксирующие событие в материальной форме: *артефакт* (или *источник*) и *данные* (научная документация, протокольные записи о наблюдении над источником). Эти две последние ступени фактами не названы, поскольку, по Л.Бинфорду, статуса факта заслуживает только событие (хотя лат. *factum* — буквально «сделанное»). Так или иначе, в пробеге информации Л.Бинфорд отмечает четыре ступени.

Уравнение фактов с событиями позволяет Л.Бинфорду, учитывая, что события прошлого не существуют, придать статус факта *наблюдению* и возвысить его над реалиями — это неопозитивистская установка. А больше всего в теоретических рассуждениях «новых археологов» фигурирует последняя ступень — *данные*. Не факты, а данные — как единственная реальность, которая существует для нас. Факты же есть лишь *импликации из данных*. Данные — этот термин вынесен и в название цитированной статьи Л.Бинфорда.

Этот акцент не прошел незамеченным.

Р.Гулд, которого Л.Бинфорд уличал в эмпиризме, язвительно отозвался об «еще одной стимулирующей бинфордовской идее, которая повергнута в прах из-за того, что нуждается в надежной эмпирической базе» (Gould 1985: 641). Л.Бинфорд на это возразил так: «Гулду придется придти к выводу, что утверждения о прошлом невозможны, раз для нас не осталось эмпирических данных, которые мы могли бы увидеть». И Л.Бинфорд наставительно замечает: «Прошлое ушло, Ричард. Есть только современные статистические данные. Наше дело так понять эти современные факты, чтобы надежно сконструировать (вывести, если угодно) “реальный мир” прошлого. Настаивать на том, что “реальный мир” прошлого — это тот же самый “реальный мир”, что присутствует в археологических источниках, — сущий нонсенс» (Binford 1989a: 116).

Тем не менее, благодаря вере в строгую системность культуры и в наличие законов культурного процесса и процессов археологизации материала, Л.Бинфорд убежден, что надежно вывести «реальный мир» прошлого из археологических источников вполне возможно. Разработанную им и другими «новыми археологами» методику он считает адекватным и надежным инструментом такого выведения.

В 80-е годы, однако, тон в археологии, по крайней мере, британской, стали задавать идеологи следующего поколения, утратившие веру в системный порядок, а с ней и неопозитивистский оптимизм. Главный теоретик этого направления Я.Ходдер суммировал в своей книге «Читая прошлое» все выводы «новых археологов» и их предшественников о «нагруженности фактов теорией» и их зависимости от нее, об отсутствии «чистых фактов» и т. п. «От всего этого, — резюмировал он, — только и осталось, что факты в реальном мире, которые мы никогда не сможем наблюдать» (Hodder 1986/1991: 16).

Он решительно отверг уверенность Л.Бинфорда в надежности его методики как независимого инструмента, способного измерять отношения между древним обществом и современным археологическим материалом. Это неверно, заявил Я.Ходдер, потому что многие измерения зависят от нашего восприятия и нашей категоризации, а они очень слабо связаны с материалом; к тому же в нашем распоряжении нет независимого инструмента измерений: методика сама зависит от теории. «Не может быть ни проверки теории данными, ни независимых измерительных приборов, ни достоверного знания о прошлом».

Я.Ходдер подчеркивает «разрушительный» эффект своих выводов: «Вся ткань археологии

как научной дисциплины... под угрозой» (Hodder 1991: 18).

Если база фактов археологии столь ненадежна и недоступна, откуда же берет археолог свое знание о прошлом? «Как результат, теории, выдвигаемые кем-либо о прошлом, очень сильно зависят от его собственного общественного и культурного контекста... Другими словами, отношения между данными и теорией формируются в культурном и историческом контексте, и в этом же контексте ими манипулируют» (Hodder 1991: 17-18).

Эти выводы близки позиции презентистов.

Таким образом, если вначале АФ воспринимался как нечто еще более простое и самоочевидное, чем факт истории, то под конец АФ предстал перед исследователями как нечто, пожалуй, даже гораздо более сложное и глупое, чем тот. И если археологи прошлого века, воспринимавшие АФ как нечто простое, по сути, абсолютизировали его объективную сторону, то современные западные археологи, распознав гносеологическую многоступенчатость АФ, абсолютизируют его субъективную сторону.

В обзорной статье для Шифферовского ежегодника А.Салливэн, сравнивая схемы Даниелса и Д.Кларка, отдает предпочтение Д.Кларку. У С.Г.Х.Даниелса ведется подсчет артефактов, а трактуется артефакт одновременно и как канал передачи информации археологу, и как само сообщение, которое надо проработать. У Д.Кларка же анализируются следы (в широком смысле), которые и есть сообщение, тогда как артефакты — это лишь канал, по которому сообщение доходит до археолога (Sullivan 1978: 193-194).

У самого А.Салливэна здесь нечеткое употребление терминов и, видимо, нечеткое различие понятий. В другом месте того же обзора он строго различает «свидетельство» (evidence) или «данные» (data) и «материальные остатки»: археологи добывают свидетельства (или данные) из материальных остатков (Sullivan 1978: 189). «Evidence» (свидетельство) — часто переводится как «информация», «факт», а термин «материальные остатки» использован здесь потому, что в английском неупотребителен более подходящий сюда термин «источник» (source) — вместо него там употребляют обычно термин «record» (запись, фиксация), и в самом деле не очень подходящий для обозначения канала или резервуара информации. ФАКТ и ИСТОЧНИКИ — более точное обозначение тех сторон соотношения, которые А.Салливэн представил как СЛЕДЫ и АРТЕФАКТЫ.

4. Термины и ступени

Рассмотрим теперь ситуацию в советской науке. Период наивного эмпиризма в России был естественен и соответствовал положению в западной науке. Однако в советское время он затянулся. Сначала он был искусственно удержан воздействием догматического марксизма, потом продлен подавлением теоретических исследований вообще.

В середине 70-х годов возобновившийся в СССР интерес к археологической теории сразу же поставил археологов перед сложностью и многозначностью АФ.

Первой окунулась в эту проблему В.Д.Викторова (1975). Она просто перенесла на археологию представления, выработанные к этому времени советскими философами. АФ у нее расщепился на два понятия: «*факт (археологической) действительности*» и отражающий его в понятиях «*факт (археологической) науки*» (Викторова 1975а: 17-18).

У каждого понятия есть варианты. По мнению В.Д.Викторовой, время сохраняет часть результатов предметной деятельности человека только (!) в вещной форме, а если это была социальная деятельность, то эти результаты прошлой деятельности являются «*фактами исторической действительности*» (подразделение фактов археологической действительности — в противоположность «*фактам природы*»). Конкретизируя «*факты археологической науки*», В.Д.Викторова поясняет, что, отражая «*факты археологической действительности*» и фиксируя их в знаковой форме (отчеты, чертежи, фото — последние, конечно, не в знаковой форме!), они выступают как «*эмпирические факты археологии*» (Викторова 1975а: 22). Таким образом, «*эмпирический факт археологии*» является подразделением «*факта археологической науки*». Другим подразделением являются, по В.Д.Викторовой, «*статистические факты*» (по-видимому, эти она считает никак не эмпирическими).

Почти в то же время Я.А.Шер (1976: 74) предложил различать в археологии два понятия: «*исторический факт*», «в принципе ненаблюдаемый», и «*археологический факт*», «представленный в вещественных остатках». В таком противопоставлении «*исторический факт*» (он оказывается тем же, что у истории) близок к «*факту исторической действительности*» В.Д.Викторовой. Однако Я.А.Шер добавляет, что «*исторический факт*» «*всегда фиксируем языковыми средствами в каком-то тексте*» (но ведь это уже *факт письменного источниковедения* или исторической науки!). А об «*археологическом факте*» Я.А.Шер говорит, что, «*зафиксированный средствами научного языка*», он «*может стать историческим фактом*» (тут исторический факт — это результат интерпретации ар-

хеологического факта). Ясно, что терминов у Я.А.Шера в этой работе меньше, чем понятий, то есть недостаточно. Понятий применительно к археологии минимум три.

Ю.Н.Захарук (1977) выступил с критикой обоих авторов. Обоим он пеняет на нечеткость формулировок. У самого Ю.Н.Захарука АФ расщеплен на 4 понятия, последовательно маркирующих ступени преобразования информации в процессе исследования: 1) «*факт прошлой исторической действительности*» — 2) «*факт ископаемой действительности*» — 3) «*эмпирический факт археологии*» — 4) «*реконструированный факт археологии*». Первые два — факты археологической действительности, два последних — факты археологической науки. За всеми этими понятиями он считает целесообразным сохранить термин «*факт*» — со спецификациями (и, на мой взгляд, это резонно).

Термин «*исторический факт*» Ю.Н.Захарук предлагает исключить из употребления ввиду многозначности слова «*исторический*», а вот термин «*исторический источник*» считает одной из конкретизаций понятия «*факт*». «*Эмпирические факты археологии*» — разновидность исторических источников. Термин «*ископаемая действительность*» применен неудачно: ископаемыми в русском языке принято называть виды вымершие, а археологические вещи и комплексы — погребенные, да и не только погребенные, но и попросту мертвые, но не обязательно вымерших видов (Захарук 1977).

Любопытно, что, хотя советский и американский авторы явно не читали друг друга, в работе Ю.Н.Захарука — примерно та же четырехчленная схема, что и у Л.Бинфорда, но изложенная на 10 лет раньше.

В специальной работе Я.А.Шер вернулся к вопросу об АФ. Он считает нецелесообразным именовать «*фактом*» любую стадию преобразования информации (Шер 1985). В этом он следует философу П.В.Копнину. Тот утверждал: «*Нет никакого смысла сами явления, события, вещи объективной реальности называть фактами, ибо это будет только удвоение в номенклатуре понятий. Сами вещи — факты, и знание о них — тоже факты. Это порождает путаницу...*» (Копнин 1966: 221). П.В.Копнин и Я.А.Шер предпочли оставить за термином «*факт*» только знание о чем-то, достоверное знание. Как будто знание не имеет собственных терминов (сведение, показание, сообщение и т. д.). Нет, в основе смены значения не чисто терминологические соображения, а эпохальный сдвиг в психологии оценок: что подчеркнуть в понятии — объективность или субъективность.

Между тем, традиционно в археологии вещи — артефакты (разновидность фактов по само-

му названию), а связи и условия нахождения вещей — это фрагменты объективной реальности, и это то, что археологи в своем обиходе всегда называют фактами. Уж во всяком случае, называть эти фрагменты фактами больше традиционных оснований, чем знание, отражающее их, сообщения о них.

Далее, «археологический памятник (объект)» рассматривается Я.А.Шером как нечто первичное, а «АФ» — как «его отражение, результат познания объекта». Но знания, полагает Я.А.Шер, могут быть не вполне достоверными, их лучше именовать «археологической гипотезой», а «археологическим фактом» именовать только фактическое знание, достоверное — как, например, массовое жертвоприношение и захоронение лошадей при погребении скифских царей (Шер 1985: 8). Но имелось ли захоронение царя в Костромском кургане, или там вообще не было покойника и то были остатки обряда ашвамедхи? Вполне ли достоверна трактовка наблюденного в Костромском кургане? Если пользоваться терминологией Я.А.Шера, его раскрытием терминов, вполне ли факт есть факт?

Я.А.Шер решительно (и правильно) возражает против отождествления АФ с археологическим источником. Факты отражены и зафиксированы в источниках (Шер 1985: 8-9) Под фактом он явно имеет в виду фрагмент действительности, а не знание о нем!). При этом Я.А.Шер ссылается на работы Л.С.Клейна (1978: 46-47) и А.И.Ракитова (1982: 101-102). В полном согласии с Л.С.Клейном Я.А.Шер (1985: 10) отмечает, что факт не содержится в источнике в готовом виде, а «образуется в результате определенных действий исследователя по отношению к источнику». Он повторяет формулировки Л.С.Клейна о «зашифрованности», «коде», «дешифровке» (цитируя их, впрочем, из А.И.Ракитова). Однако все эти констатации не отменяют основного: в источнике отражена именно действительность, а знания о ней не привнесены исследователем, а образуются из столкновения его тезауруса и методов с этим отражением.

Для Я.А.Шера эмпирические наблюдения — не факты, а «кирпичи» для построения фактов. Да нет же, наблюдения — это вообще понятие из другого ряда: это один из способов добывания информации, содержащей факты. Но почему «кирпичи»? У Я.А.Шера есть ответ. «Некий элемент археологического научного описания становится археологическим фактом тогда и только тогда, когда он поставлен в определенную связь с другим элементом иного или того же описания» (Шер 1985: 10). Стратиграфия, перечень и описания слоев — это эмпирические наблюдения, по Я.А.Шеру, а вот указание на керамику, аналогичную другой керамике, — это уже факт. Статус факта пожалован лишь «блестящей идее».

Странное суждение. Оно идет вразрез с терминологической традицией. Фактом мы привыкли обозначать нечто достоверное, надежное, реальное, на чем можно спокойно возводить исследовательские конструкции, строить выводы. Сведения о перечне слоев, добытые эмпирическими наблюдениями, несомненно, более надежны, чем суждения об аналогичности двух наборов керамики, добытые в ходе сравнительного анализа, обычно более субъективного.

Да, можно, конечно, и это тоже считать АФ и строить на нем дальнейшие выводы, но с большей оглядкой. А это значит, что одним термином традиционного употребления покрывается целый ряд понятий. Поскольку неудобно отказываться от традиционной терминологии, нужны спецификации, производные термины.

В позиции Я.А.Шера ощущается влияние неопозитивизма: увлечение фиксацией наблюдаемых явлений и операциями над ними в ущерб вниманию к самим явлениям. К чему это ведет? К ослаблению самостоятельности археологии. Сам же Я.А.Шер постулирует «необходимость независимого подхода» к изучению артефактов. В то же время он отмечает, что в работах археологов (подразумевается — в интерпретации, в установлении связей между явлениями) «постоянно присутствуют этнографические сопоставления и ассоциации». Археологические факты «легко теряют свою самостоятельность», и нарушается «чистота» их анализа. На практике «археологические факты, этнографические наблюдения и сведения письменных источников (а также и собственные предположения автора) излагаются в едином труднорасчленимом контексте» (Шер 1985: 13-14).

Естественно: ведь за факты приняты исключительно сопоставления, связи, трактовки, а их очень трудно «очистить», ибо они делаются со значительной опорой на внеархеологическое знание. «Действительно, — подтверждает Я.А.Шер, — в практической работе не всегда просто вычленишь археологический факт в “чистом виде”» (Шер 1985: 14). Точнее было бы сказать, это всегда не просто. Но для этого прежде всего нужно повысить ранг наблюдаемых вещей, комплексов, связей и условий, придав им статус фактов, ибо на их констатацию этнографические и прочие коннотации не влияют или влияют гораздо меньше.

Впрочем, в оговорках Я.А.Шера можно почувствовать «сопротивление материала». В добавление к уже приведенным его оговоркам (насчет того, что отражается в источнике) укажу еще одну: Я.А.Шер отмечает, что если археолог ориентируется только на этнографические аналогии, «наблюдаемые им факты легко теряют свою самостоятельность» (Шер 1985: 14). Стало быть, археологические факты — это то, что археолог наблюдает, а не только результат

увязок и интерпретаций...

Хотя Я.А.Шер и ратовал за сужение числа понятий и ограничение АФ, на деле он не опроверг Захарука, а лишь добавил еще одну стадию АФ — *фиксацию эмпирических наблюдений*.

В большой монографии В.Ф.Генинга о структуре археологического познания одна из глав называется: «Научный факт в археологических исследованиях». У В.Ф.Генинга факт в археологии связан с прохождением информации из прошлого, а это прохождение оказывается многоступенным, в частности, четырехступенным, как у Ю.Н.Захарука. Предложена следующая система: 1) исторический факт в обществе (*факт исторической действительности*, фрагмент ее) — 2) факт прошлой действительности в природе или *факт действительности природы* (омертвленный социальный мир, потенциально археологический памятник) — 3) *археологический факт* (раскопанный археологический памятник) — 4) *научный факт (артефакт)* (Генинг 1989: 58-84).

В первой ступени у В.Ф.Генинга, судя по его описанию, объединены события социальной жизни, опредмечивание их и результаты этого опредмечивания — тут явно напрашивается дальнейшее расчленение, уже осуществленное ранее в моей работе (Клейн 1975). Вторая ступень состоит из опредмеченных остатков социального мира, которые несколько странно рассматриваются как «перешедшие в мир природы», как явления природы. Верно, в них происходят природные процессы (тление, гниение, коррозия и т. п.), но действуют и культурные факторы (перекопы, например), а в основном до полного распада эти предметы явно остаются чуждыми природе. Только за третьей ступенью В.Ф.Генинг закрепляет термин «АФ», оставляя при этом и за другими ступенями наименование «факт», но со спецификациями. «Археологическое» здесь понимается узко — как только то, что связано с памятниками и раскопками, не с археологической наукой вообще.

Наиболее странно выглядит трактовка четвертой ступени у В.Ф.Генинга. Статус научного факта он признает только за «суждением об объективном факте», если это суждение «включено в систему научного знания». С этой точки зрения раскопанный археологический памятник (АФ) — не научный факт (Генинг 1989: 61), а раскопки, стало быть, не наука. Ну, в этом В.Ф.Генинг, как можно было видеть, не одинок. Зато в конкретизации В.Ф.Генинг совершенно уникален. Такой «фиксированный, описанный археологический факт» он именует... артефактом! То есть артефакты для него — это не сами предметы, а «описания предметов» и «описания остатков различных сооружений древности». «Артефакты данного вида наиболее изменчивы, постоянно пополняясь новыми данными

ми, отражающими движение научной мысли, все глубже проникающей в сущность изучаемых фактов» (Генинг 1989: 61-63). По сути В.Ф.Генинг, возможно, сам того не осознавая, сделал, наконец, последовательный вывод из суждений Д.Кларка об артефактах как «единственных фактах» археологии и об их выводной природе. Можно подумать, что В.Ф.Генингу совершенно неизвестно общепринятое стандартное значение слова «артефакт» в археологии, в основном равнозначное слову «вещь», «портативный памятник». Либо В.Ф.Генинг не считает нужным с этим считаться. Но ничего, кроме путаницы, такое изобретательство породить не может.

В остальном В.Ф.Генинг лишь повторил своей раскладкой довольно точно схему Захарука, но развернул ее более детально. В подразделениях каждой ступени В.Ф.Генинг повторяет мои схемы пробега археологической информации, представленные в виде рисунков в книге «Археологические источники» (Клейн 1978: 29, табл. II; там же: 42-44, табл. III-V), но у В.Ф.Генинга они выполнены как логические формулы. В этих подразделениях можно усмотреть потенции дальнейшего членения системы.

Главный итог пройденного развития — как раз в этих потенциях, в осознании многоступенности АФ, а вовсе не в поднадоевших прениях о том, к какой ступени лучше приурочить термин «факт», к какой — «научный факт» и т.п. Главное — что факт растянулся в глубину и предстал в динамике — как пробег информации о конечных целях исследования, что четыре ступени этого пробега осознаны, а дальнейшее членение напрашивается. В этом членении — выход к методике исследований.

В обзорную историографическую работу по теоретической археологии в СССР Е.М.Колпаков и Л.Б.Вишняцкий ввели небольшой раздел «Археологический факт» с нигилистическим заключением: «Подобные построения и терминологические хитрости лишь затемняют тривиальные для ученого положения теории познания: нетождественность эмпирических наблюдений фактам действительности и нетождественность описаний эмпирическим наблюдениям» (Колпаков, Вишняцкий 1993: 8).

Таким образом, у авторов своя концепция ступеней научной информации, предельно кратко изложенная, в которой три узловых понятия: *факты действительности — эмпирические наблюдения — описания*. Оставлено неразъясненным, достаточно ли эта общая концепция и для археологии. Во всяком случае, фактами названы лишь явления действительности, притом нерасчлененные во времени. Что ж, если прилагать эту схему к археологии, то это шаг назад по сравнению с Ю.Н.Захаруком. Значение прогрессирующего членения археологического факта в глубину авторы обзора не разглядели и не поняли.

III. Археологический факт и движение информации

5. Конверсия и реконверсия информации

В статье «Археология: потеря невинности» (1973) Дэвид Кларк рассматривает археологическое исследование как процесс «обработки (или переработки) информации», поступающей по «археологическим каналам». Это «информация, которую можно извлечь из сложных интеграционных отношений, заключенных в... памятниках», «из данных» (Clarke 1973: 13). Эту обработку информации он считает частью общей теории археологии — «именно эти... шаги лежат в основе критических скачков в археологическом рассуждении. Без такого корпуса теории эти критические скачки и впрямь оказываются прыжками и превращаются в свободный полет творческой фантазии — безответственный род искусства» (Clarke 1973: 16).

На Д.Кларка явно произвела впечатление статья С.Г.Х.Даниелса, отданная в сборник Д.Кларка «Модели в археологии» и напечатанная за год до «Потери невинности». Это сказалось у Д.Кларка в конкретизации уровней, выделяющихся «в любой археологической интерпретации», а именно:

1) деятельность гоминид, а также социальные и природные процессы, некогда происходившие;

2) выборка их (результатов) и следы их, отложившиеся в какое-то время;

3) та часть этой выборки, которая сохранилась до открытия;

4) та часть последней, которая была открыта раскопками и сборами.

Соответственно этому Д.Кларк предложил сформировать теоретические концепции, ведающие переходом от каждого из этих уровней к следующему: а) преддепозиционная и депозиционная теория (1 — 2), б) постдепозиционная теория (2 — 3), в) теория обнаружения (3 — 4), г) теория анализа того, что обнаружено и стало «данными» — соединение данных с помощью моделей, припасенных археологией. Он добавил к этому д) теорию интерпретации, которая от этих анализируемых данных заключает к ненаблюдаемым прямо древним структурам и процессам (Clarke 1973: 16-17).

Как видим, хоть Д.Кларк и использовал трактовку С.Г.Х.Даниелса, он остался при четырехуровневой структуре археологической информации (он не применяет здесь термина «факт»). Но пробег информации от процессов древней жизни через археологические памятники к письменному отчету археолога прослежен четко.

Итак, гносеологической основой и логическим стержнем полного археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущий от фактического материала (объектов археологии) к его истолкова-

нию в понятиях истории. Вот тот единый сюжет, который лежит в основе нескольких фабул — процедур исследования: *индуктивистской*, *дедуктивистской* и *проблемной*.

Что выбор той или другой из этих фабул определяется философско-методологической позицией исследователя, вполне очевидно. Но чем обусловлена и как связана с философией науки структура самого сюжета — общее количество этапов, их состав и последовательность?

Можно показать, что эти характеристики обусловлены пониманием АФ. Если факт прост и сводится к тому, что лежит на поверхности, то нужны только сбор, описание и обобщение фактов. Если же факт сложен и содержит не только ту информацию, которую мы ищем, если, кроме нее, там намешано много иной, а та, которую мы ищем, искажена, то обработка много мудренее и объемистее. Нужны критика, очистка и восполнение.

Ведь археология изучает материальные древности (артефактные и не-артефактные) и соотношения между ними. Необходимым постулатом археологии является признание того, что ее объекты — это следы и остатки прошлого, то есть результаты исторических событий и социокультурных явлений. Эти следы и остатки рассматриваются нами как информация о прежних событиях и явлениях — информация, рожденная ими. Проходя через стереотипные и известные нам *шлюзы* (отмирание, тление, перемещение от перекопов и др.), она испытала ряд преобразований, пока не отложилась в виде фактов археологии. Стало быть в этих фактах не изначальная информация, а преобразованная. В ней появилось дополнительное измерение. Она теперь отражает не только события, процессы и явления прошлого, но и перипетии самого этого отражения. В ней не только отложилась история общества, но и ее собственная история. Так что АФ оказывается не простым, не плоским, он имеет глубину.

Эта вторая история — не просто лишнее осложнение. Ее познание необходимо для того, чтобы восстановить первую историю. Чтобы очистить изначальную информацию от наслоений, по возможности устранить искажения, нужно восстановить все перипетии преобразований, пройти от конца пробега информации к началу. В сущности, та обработка, которой мы подвергаем материал, и вся процедура истолкования фактов являются не прямым преобразованием информации, а обратным. Это не конверсия, а *реконверсия*, не отход от прошлой реальности, а возвращение к ней.

Говоря о «теории интерпретации», не связанной у него к какому-либо одному уровню

или переходу, Д.Кларк указал, что она «связывает (уровни) 4 — 1» (Clarke 1973: 17), то есть прослеживает информацию в обратном порядке — в глубь археологического материала и в глубь времени.

Ставя перед собой целью познание событий и явлений, археолог неизбежно совершает реконверсию информации. Велико искушение сделать эту реконверсию одноактной — одним шагом перейти от АФ к историко-социологическому значению, полагая его лежащим где-то у самой поверхности АФ. Это было бы так просто, так удобно! И существуют факторы, которые толкают археологов на попытки такой упрощенной, или стяженной, реконверсии — то неизжитый диллетантизм, то догматическая приверженность к одной жесткой схеме однозначных толкований с готовым набором ярлычков. Но В.С.Бочкарев (1973: 59) прав: перескакивать через этапы процедуры нельзя. Почему?

Конверсия информации состояла из *фаз*, разделенных *шлюзами*. В каждом шлюзе очередное превращение изменяло облик информации и служило трамплином для следующего превращения. Только смежные фазы были связаны между собой непосредственно как исходное и производное. И нередко только в произ-

водном сохранились какие-то остатки, по которым можно судить об исходном облике. Если, составляя суждение по последнему облику о первоначальном, перескакивать через какие-то фазы, то, возможно, будут упущены существенные изменения в информации, стало быть, незамеченными окажутся искажения реальности прошлого. В итоге придется к неверной реконструкции. Отсюда важность учета всех фаз конверсии, всех шлюзов. Это и должно стать основой для разработки полной схемы процедуры археологического исследования.

Итак, почему же проводить такую реконверсию необходимо последовательно, без пропусков? Потому что в случае пропуска какого-либо шлюза те изменения, которыми информация обязана данному шлюзу, не удастся уловить и опознать, а следовательно, возникшие здесь особенности информации будут приписаны более ранним причинам. Неверно будет реконструирован исходный облик информации, будут предположены в первоначальной картине факторы, которых на деле не было. Вот почему так необходимо выявление всех шлюзов, прослеживание полного курса конверсии и соблюдение строгой последовательности в реконверсии обратным путем через все шлюзы.

6. Самые глубокие уровни АФ

В идеале исследователь стремится к тому, чтобы реконверсия была корректной, а разمهивание субъективного и объективного в АФ — как можно более полным. Для этого необходимо, чтобы схема *гносеологической многоступенчатости АФ*, лежащая в основе процедуры археологического исследования, учитывала уровни АФ (то есть этапы конверсии и их шлюзы) с максимальной полнотой, на полную глубину. Предлагавшиеся до сих пор схемы, как правило, учитывали только некоторые уровни — в том или ином наборе. Поскольку таких предложений было уже немало, даже простое их обобщение способно значительно продвинуть нас к обретению искомой полноты.

Большей частью весь свой исследовательский запал авторы этих схем тратили на то, чтобы от археологических остатков мысленно добраться до живой материальной культуры прошлого. И.Рауз и У.Тэйлор обратили внимание на более глубокую задачу — установить, *что же скрывается за вещами и их отношениями*. Как позже это сформулировал Р.Бредвуд, «увидеть индейца за артефактом». Но это слишком обобщенная формулировка. Эти археологи увидели за вещами и отношениями *обычаи, стереотипы и идиомы поведения*, а еще глубже, за теми — *социальные нормы и индивидуальные мотивы*, то есть *идеи* (Rouse 1939; Taylor 1948: 97-124). Дальше этого, глубже этого на Западе не пошел никто из теорети-

ков, занимавшихся понятием АФ и проблемой процедуры археологического исследования. И это понятно: объективный идеализм, лежащий в основе методологии наиболее авторитетных на Западе теоретиков, и сводится ведь к первичности идей.

В методологических основах современной археологии на Западе представлен не только идеализм, но и материализм. Советские марксисты обычно (и в общем резонно) считали этот материализм неглубоким, непоследовательным, поверхностным, поскольку он обильно пропитан неопозитивистскими идеями и, таким образом, смыкается с субъективным идеализмом.

В применении к познанию АФ это отчетливо выражено установкой «новой археологии» — ограничить понятие культуры поведением и его вещными результатами, изгнать из этого понятия идеи, поскольку они не наблюдаемы непосредственно (Binford 1965; Watson et al. 1971: 63-65). Но именно понятие культуры (в таком ограничении) оказывается фундаментальным для концепции «культурного процесса», а познание «культурного процесса» и его законов рассматривается как главная цель археологии (Binford 1968; Watson et al. 1971: 22-23). Иными словами, в реконверсии теоретики «новой археологии» предусматривают продвижение только до уровня поведенческих акций, не глубже. В их представлении АФ оказывается более

плоским, чем в представлении их идеалистически настроенных предшественников.

Ортодоксальный марксизм воздействовал на археологию в схожем направлении — отказа от видения идей в основе, — но несколько иначе. Он концентрировал внимание на орудиях, предметах, производстве. В начале 30-х годов Ф.В.Кипарисов (1933) и К.Р.Мегрелидзе (1935) предложили считать ведущим в марксистской археологии *принцип предметно-практической деятельности*, что в 70-е подхватила В.Д.Викторова (ее же 1975б; ее же 1989: 16-17, 65-78). «Рассмотрение вещей через призму принципа предметной деятельности означает прежде всего выявление их природы как результата деятельности человека... Вещь и ее существенные признаки могут быть поняты только через процесс труда» (Викторова 1989: 125). В.Ф.Генинг рассматривает АФ как результат опредмечивания и выдвигает на первый план в археологии теорию опредмечивания. Определенности чего? Конкретных идей? Нет, весьма абстрактных «сущностных сил человека», «социальной жизнедеятельности» вообще (Генинг 1989: 64-65). От «предметно-технологических реконструкций (ПТР)» он ведет исследователя (Генинг 1989: 224-270) к «социально-технологической теоретической модели (СТТМ)» и т. п., а отсюда прямо к конечной цели — социально-экономическим формациям, *коих, как известно, ровно пять* (фразеология булгаковского Воланда здесь очень уместна).

На мой взгляд, быть материалистом — не значит отрицать роль идей в обусловленности поведения, не значит застревать на осязаемом, зримом поведении, не значит останавливаться перед выявлением идейных мотивов поведения. Наоборот, быть разумным и последовательным материалистом — это значит, пройдя все эти уровни познания, увидеть за идеями те стимулы, которыми порождены в сознании людей эти идеи. Не отступить на шаг от уровня идей, а продвинуться на шаг дальше.

7. Полный курс конверсии

Исходя из этих соображений, мы можем представить полную схему гносеологической ступенчатости АФ в следующем виде (уровни перечисляются в порядке конверсии информации):

1. Стимулы — социальная и личная практика людей (производство, экономические и политические отношения, идеология, быт и проч.).

2. Идеи — социальные нормы, обычаи, стандарты, индивидуальные мотивы (уже здесь заложены планы поведения и потенциальная популяция вещей, то есть культурная матрица).

3. Акции — действия, поступки, события, то есть то, что реализует обычаи, стереотипы и идиомы поведения.

Идеи же обусловлены бытием, всей общественной и личной практикой людей — производственной, экономической, политической, идеологической, бытовой и т. д. В ней возникают и коренятся стимулы к созданию социальных норм, стандартов, «мысленных шаблонов» («мысленных лекал»), вообще — к идеям. «Проблема сознания, — отмечает советский философ Э.С.Маркарян, — если рассматривать ее в генетическом плане, это прежде всего проблема стимулов его выработки, а они-то, эти стимулы, и были как раз заложены в материально-производственной практике» (Маркарян 1969: 43, см. также 37-42, 44-45); впрочем, последнее можно оспорить. За «матрицей идей» нужно увидеть «матрицу стимулов».

Вот эти-то стимулы и должны рассматриваться как последний, самый глубокий уровень АФ. Они обеспечивают переход к причинно-следственным механизмам и социокультурным или историческим закономерностям, то есть выход за пределы АФ — в теорию.

Трудности подступа к этим последним уровням АФ и их расчленению заключались в двойственности соотношений практической деятельности с идеями. Помещать ли эту деятельность уровнем выше или уровнем ниже идей? И на то, и на другое вроде были основания. Поэтому в тех теоретических работах советских археологов, где авторы вообще касались этой проблемы, проводился более общий подход: деятельность соотносилась не с идеями, а непосредственно с предметными результатами — уж эти-то несомненно оказываются ее производными (Захарук 1970: 13-14; 1973). Корень затруднения таился в двойственности самого понятия практической деятельности. Одно дело — частные действия, динамические акции людей, компоненты поведения. Они могут рассматриваться как реализация идей. А другое дело — вся совокупная практика общества, ситуации, в которые деятельность заводит людей, создаваемые характеры. Тут коренятся стимулы идей.

4. Инкорпорации (воплощения) — вещи, следы на них и т. п. материальные объекты, а также их соотношения в живой культуре. Налицо их полная популяция. Это объективация поведения, косвенным образом — опредмеченные идеи.

5. Депозиты — вещи, их фрагменты, следы на них и от них, а также соотношения их всех в мертвой культуре. Здесь уже не вся прежняя популяция, а только ее отложившаяся фракция.

6. Остатки — то же ко времени раскопок (или сборов, обследований и т.п.) в археологическом материале *in situ* в земле и на земле. Это сохранившаяся фракция.

7. Деструкты — то же после перемеще-

ния части материала непрофессиональными добытчиками (любителями, случайными находчиками, грабителями) в коллекции.

8. Обсерваты — то же в археологическом материале на участке, попавшем под исследование, в изучаемом пространстве (в раскопе, шурфе, в коллекциях и т. п.). Это то, на что археолог мог смотреть, что он мог видеть.

9. Открытия — вещи, следы и их соотношения, открытые, замеченные исследователями в поле или в коллекциях. Это увиденная фракция — то, что археолог реально сумел увидеть.

10. Селекты (выборки) — вещи, следы и их соотношения, учтенные исследователями и подлежащие регистрации (графической, письменной и т.п. фиксации) или взятые с поля. Это отобранная в поле или в коллекциях фракция.

11. Фильтраты — то же за вычетом отбракованных объектов, то есть объектов (и их соотношений), учтенных по ошибке: псевдо-артефактов, лже-следов, подделок, фальсифика-

ций. Это очищенная фракция.

12. Дескрипты (описания) — отображение информации предшествующего уровня графически (средствами специального элементарного «алфавита») и сопоставлением с понятиями аналитической классификации.

13. Комплекты (обобщения) — результат сжатия информации с выделением существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации.

14. Сведения — информация одного из предшествующих двух уровней (или обоих), изложенная в публикации (в монографии, каталоге и т. п.) или в депонируемой работе (полевого отчета, диссертации и т. п.), в картотеке или в памяти компьютера, а также в личных архивах и (на худой конец) в естественной памяти самих исследователей.

Из этих 14 уровней АФ первые три имеют дело с *потенциями*, последующие восемь (с 4 по 11) — с *реалиями* и три последних — с *отображениями*.

8. Шлюзы на пути информации

Между этими уровнями располагаются шлюзы, в которых информация преобразуется: часть проходит хорошо, но что-то утрачивается, что-то искажается, а что-то загрязняющее пришивается (Sullivan 1978: 193). Какие же факторы воздействуют на информацию в этих шлюзах? (Daniels 1972; Collins 1975). М.Шиффер (Schiffer 1976: 14-15) делит их на *культурные* — трансформации К (C-transforms) и *природные* — трансформации П (N-transforms), но для целей изучения последовательности удобнее то направление, которое обозначили С.Г.Х.Даниелс и Д. Кларк, — по ступеням прохождения информации. Рассмотрим их в том же порядке конверсии (для удобства сопоставления порядковые обозначения шлюзов составлены далее из номеров соседних уровней).

0—1. Кристаллизация стимулов. К ней приводят социокультурно-исторические закономерности и причинно-следственные механизмы. Дело осложняется тем, что многие из этих закономерностей действует лишь как тенденции, обеспечивая только вероятностную (а не жестко динамическую) детерминацию, а некоторые из причинно-следственных механизмов не создают однозначных каузальных связей: одинаковые причины под действием разных условий, нередко случайных, могут приводить к разным следствиям, за одинаковыми следствиями могут стоять разные причины (*феномен плюрикаузальности*).

1—2. Осознание стимулов. Имеется в виду их осознание древними обществами и личностями. Процесс этот тоже детерминирован и поэтому обычаи народов, не имевших контакта, оказываются нередко схожими (*феномен конвергенции*), но доля вероятностной детерми-

нации здесь гораздо больше. Даже ортодоксальные марксисты давно уже признают (по крайней мере, в теории) относительную самостоятельность идеологии. Индивидуальные особенности людей и даже целых популяций, а также и случайность весьма сказываются на конечном облике идей. Поэтому обычаи народов столь разнообразны.

2—3. Реализация идей в поведении. На пути этой реализации стоят различные препятствия: стихийные бедствия, нехватка опыта, противоречия между идеями, противоречия между людьми и между группами людей, между личностью и обществом. Социальная норма отличается от биологической программы поведения меньшей жесткостью. Свобода воли, свобода выбора, стоящего перед личностями и человеческими популяциями, правда, не безгранична, но и не фиктивна. Поэтому реализация идей в поведении, а вместе с тем и само поведение предсказуемы, но не строго предсказуемы. Скорее, предугадываемы.

3—4. Опредечивание поведенческих актов. Как «новая археология», так и ортодоксальные марксисты здесь устанавливали жесткие соответствия. М.Шиффер сохранил это представление, помещая перед искажающими трансформациями К и П (C- and N-transforms) «*корреляты*» (Schiffer 1976: 12-14). Имелась в виду корреляция между предметами и идеями. В действительности же однозначных соответствий нет, есть лишь плохо реализуемые *идеалы*. Ясно, что между идеями и предметами лежит поведение, ведущее от первых ко вторым, а поведение, как уже сказано, не точно реализует идеи. Кроме того, и между поведением и его предметными результатами есть

зазор (Krause, Thorne 1971). Уже простое различие (разная сопротивляемость, неоднородность) материалов, на которые направлены одинаковые серии действий, обусловит различие результатов — получатся вещи разного облика. А ведь различны не только материалы, но и условия действий. А.Брейль ставил специальные эксперименты, чтобы показать, что в тепле и на морозе кремль раскалывается по-разному и что это приводит к разным наборам кремневой индустрии. Поэтому идеалы идеальны, изделия не совпадают с эталонами, имитации — с оригиналами.

4—5. Первый акт археологизации — депозиционный: умирание, выход из жизни и депозиция, упокоевание на земле, а затем и в земле. При этом сказывается селекция (можно сказать, депозиционная селекция), проведенная самими носителями культуры с учетом особенностей ситуаций и вещей (Eggers 1959). Сами древние люди отбирали, что удалить из обращения (например, битую керамику), а что не допустить к изъятию (например, металлический лом — он идет в переплавку). Они определяли, в каких ситуациях предавать упокою оработанные, испорченные, разбитые вещи в естественном порядке (например, на помойку), а в каких — свежие, целые, иной раз специально изготовленные вещи, непременно в искусственном наборе (например, для погребения).

По сравнению с живой культурой здесь изменены соотношения, пропорции, облик («некротическая трансформация»). Состав живого стада скота не повторен в суммарном распределении обломков костей по видам животных в культурном слое, возрастной состав живой общины не отражен, как в зеркале, на кладбище: за время жизни одного взрослого поколения могло смениться и попасть в могилы несколько поколений детей. Некоторые компоненты живой материальной культуры просто выпали (обычно органика), зато в мертвую культуру вошли компоненты, которых не было в живой (например, специально изготовленные украшения с золотой фольгой, глиняные модельки вещей).

Кроме того, сказалась открытость и, так сказать, «ажурность» многих субсистем в материальной культуре (они не образуют при отложении сплошного компактного депозита и не часто перекрываются стерильными прослойками. Из-за этого в ряде случаев совместились и смешались элементы, которые в живой культуре были разделены огромными интервалами времени. Это совмещение Ю.Н.Захарук удачно назвал «компрессией» (Захарук 1975).

5—6. Второй акт археологизации — пост-депозиционный.

Первая группа факторов — фоссиллизация, переход в ископаемое состояние. Под этим здесь имеются в виду радикальные изменения от долгого нахождения в земле, сделавшие не-

возможным употребление предметов по их первоначальному назначению (другой аспект ископаемости — принадлежность к вымершему виду). На конечном облике остатков сказывается разрушительное воздействие стихий и времени — *естественная деструкция*: истлевание органических материалов, корродирование металлов, окаменение костей, ирризация стекла, патинизирование кремня, руинизация, оплывание деревоземляных конструкций, занос земель и т. п. Позиция остатков изменяется переотложением под действием природных сил. Все это усиливает компрессию.

Вторая группа факторов — *древняя искусственная деструкция*. Она заключается в том, что после отложения (в пост-депозиционный период) последующие поколения людей (обычно местных жителей, но иногда и пришельцы, временные завоеватели) также воздействовали на депозиты (наращивание культурного слоя, ограбление могил, перекопы, разрушение памятников), нарушая структуру комплексов и изменяя состав материала. И это также усиливало компрессию.

Обе группы факторов действовали параллельно, без строгого чередования во времени.

6—7. Современная искусственная деструкция. Подразумевается вмешательство непрофессиональных искателей древностей. Это охотники за антиквитами (грабители, любители, торговцы, коллекционеры), которые роются в культурных слоях и могилах, добывают вещи, не фиксируя условия находки, или фальсифицируют их, разрознивают комплексы, часть материала перемещают в коллекции. Это и просто случайные находчики, сдающие найденное профессионалам, но теряющие часть информации по неведению. Именно на этом этапе в материал включается большинство подделок.

7—8. Выбор участка для обследования. Приходится ограничить территорию сборов и картирования, определить расположение раскопов и наметить их размеры, лимитировать охват коллекций. Ясно, что это повлияет на объем и состав получаемой информации. А сами воздействующие факторы зависят от многих обстоятельств — целей исследования, асигнований, оснащенности экспедиции, доступности участков и т. п.

8—9. Обнаружение носителей информации (вещей, следов, отношений) исследователями в намеченном пространстве, Мало смотреть на эти объекты — их нужно увидеть. Что удастся исследователям увидеть, будет зависеть от целого ряда факторов: компетентность и добросовестность исследователей, применяемая методика, оснащенность экспедиции техникой (в частности, приборами), уровень развития науки, условия работы.

9—10. Отбор нужной информации. Нужно отобрать все, что достойно учета и сохранения.

Вся сумма замеченной информации обычно слишком велика, зафиксировать ее всю практически непосильно, не говоря уже о том, чтобы взять в музей всех ее носителей — всю керамику, все кости, все заполнение могил и весь состав культурного слоя (монолитом?). А перенести в музей все отношения со средой вообще невозможно в принципе. Селекция неизбежна. На отборе скажутся конкретные технические возможности экспедиции и представления исследователей о сравнительной важности различных частей обнаруженной информации. Эти представления опираются на целевую установку данной экспедиции и на общие сведения о примерном наборе сведений, могущих иметь значение для науки. Конечно, здесь снова скажутся и компетенция исследователей, и общий уровень развития науки. А также субъективные намерения и взгляды исследователей.

10—11. Отбор подлинной информации. Имеется в виду очистка от подделок, фальсификаций и ошибок. Нужно избавиться от поздних, часто даже просто современных вещей, следов и отношений, принятых за древние, и от природных объектов, принятых за искусственные, за сделанные человеком, за артефакты (артефактоподобные конкреции, «каменные розы» и т. п.; ср. проблему золитов). В этом деле возможны и опрометчивые решения: пильдаунские находки долго принимались за подлинные, а пещерную живопись ученый мир несколько десятилетий не признавал. Иными словами, и в этом шлюзе возможны искажения: утеря какой-то части верной информации и подключение или пропуск лишней, загрязняющей информации.

11—12. Фиксация обнаруженного и отобранного. Письменная, графическая и прочая фиксация вещей, следов и отношений есть непреложное правило всякой профессиональной экспедиции. Это тем более важно, что исследование памятника раскопками сопряжено с его гибелью. Памятник исчезает, и раскопать его вторично будет невозможно. Фиксация должна спасти максимально возможное количество информации о памятнике и обеспечить адекватную передачу собранной информации всякому пользователю, отдаленному в пространстве и времени.

Письменная фиксация — это отображение реалий в тексте средствами не только естественного, но и специального условного языка с элементарным «алфавитом», «лексикой» и «грамматикой» (научная терминология, сокращения, формулы, таблицы, индексы, шифры, унифицированные правила расположения объектов и порядок описания и т. п.). Такая фиксация подразумевает сопоставление с понятиями аналитической классификации. Все эти средства призваны обеспечить максимально полную и точную передачу информации. Харак-

тер передачи зависит от набора понятий и терминов, в которых приходится описывать, от его богатства, гибкости и адекватности материалу, терминологической ясности.

Графическая передача также предполагает известную условность, передачу объемных реалий плоскостными проекциями, сведение тоновых отношений к линейным (штриховым) очертаниям, нередко отвлечение от цветности. Это тоже язык, правилами которого предусматривается количество и выбор проекций, степень обобщенности, набор и облик условных обозначений, масштаб. Все это тоже скажется на результатах передачи.

12—13. Обобщение или минимизация. Это сжатие информации для удобства хранения и пользования. В основе этого процесса — выделение существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации. Выделяются типобразующие, комплексобразующие, культуuroобразующие и т. п. связи. Таксономическая классификация предполагает иерархию признаков, оценку сравнительной важности разных параметров объекта. У такой оценки есть объективные опорные пункты в материале. Но культура — сложная и многосторонняя система, а интересы наблюдателей широки и во многом не совпадают, поэтому выбор существенного, оценка важности параметров оказываются нежесткими. Некоторое расхождение решений определяется различием подходов — системами взглядов, интересами.

13—14. Изложение. Это оформление и объективация обработанной информации в специальных научных средствах хранения и распространения информации — в публикациях (печатных изданиях), депонируемых работах и в картотеках, в памяти компьютеров, а также в естественной памяти, конспектах, записях самих исследователей, в музейных экспозициях и т. п. Среди этих резервуаров и распространителей информации главное место занимают публикации. При подготовке к печати возможны последние искажения информации — сокращения, огрубление чертежей и фото, редакционные интерполяции и изменения акцентов, невыправленные в корректуре ошибки.

Таков полный курс преобразований археологической информации. Проследив его от начала до конца, удивляешься не ошибкам и разногласиям, а наличию общепризнанных и устойчивых истин в нашей науке. Сколь же сильны регулярности и смысловые связи между событиями и их следами, если после всего этого каскада преобразований они все еще пробируются сквозь пеструю мозаику описаний и интерпретаций и поддаются установлению! И сколь изощрен ум исследователя, если способен их улавливать, выявлять и очищать, восстанавливать в близком к первоначальному виде!

9. Реконверсия, рефлексия и критика

Столь полно рассмотреть конверсию информации, придающую АФ многостепенность и глубину, необходимо было для того, чтобы ясно и обоснованно представить полный курс реконверсии. Ибо именно реконверсия лежит в основе процедуры археологического исследования.

Дело не в том, чтобы просто повторить в обратном порядке перечень этапов конверсии. Реконверсия — не просто зеркальное отражение конверсии, а особый процесс. Ее полный курс надо проследить заново. Все этапы реконверсии нужно рассмотреть полностью и по порядку, потому что на каждом этапе задача реконверсии — восстановить, реконструировать состояние информации на предшествующем уровне, всякий раз учитывая, что произошло в шлюзе — что утеряно, что добавлено, что искажено.

Если *конверсия* — это было продвижение информации при формировании археологического источника, при образовании археологических фактов, и здесь действовали объективные процессы, протекавшие в культуре, то *реконверсия* — это выявление информации, проследивание ее хода, движение исследовательской мысли в глубину АФ. Поэтому исследование этого процесса есть *рефлексия*. Это самопроверка, самоконтроль и самокритика исследователя. Но не как индивида — данной конкретной личности, а как абстрактного персонажа — исследователя вообще. В отношении конкретных лиц это может быть и не самокритика вовсе, а просто критика. Ведь разные черты этого абстрактного персонажа могут быть воплощены в разных конкретных лицах.

И, конечно, это также (и даже в первую голову) критика получаемых порций информации на прослеживаемых отрезках реконверсии. Двигаясь обратным путем по сравнению с предшествующим обзором, как бы навстречу информации, обозначим этапы реконверсии или критики новой нумерацией, на сей раз — во избежание путаницы с прежней — римскими цифрами, соотнося их с прежними обозначениями (в скобках).

I (14—13). Текстологическая критика («критика слов»). Это проверка адекватности изложения. Осуществляется с опорой на внутреннюю логику (последовательность, связность, осмысленность) изложения, а также путем сопоставления разных реализаций и версий изложения и просто сверкой изложения с сохранившимися частями информации предшествующих уровней. Учитываются как внешняя характеристика изложения (подробность, техническое совершенство), так и общие сведения о личности автора и о процессе изложения.

II (13—12). Критика понятий. Это проверка основательности обобщения. Осуществ-

ляется двумя путями.

Первый состоит в повторении (хотя бы частично — выборочно) проделанной работы и включает в себя выверку методологических оснований (критериев) классификации, опыты ее применения к тому же материалу и т. п. Этот путь удобен тем, что в плане фактуальном не требует выхода за пределы исследованного материала, но неприятен тем, что предлагает дублировать работу, нередко чрезвычайно трудоемкую.

Второй путь — убедиться «извне» в реалистичности данной системы обобщенных понятий. Это значит сравнить ее с другими аналогичными системами, приложить ее к более широкому кругу материалов и выяснить, «работает» ли она: вписываются ли в нее новые материалы, коррелируют ли ее суммарные понятия с другими суммарными понятиями (например, типы — с ареалами, с периодами, с другими типами). Этот путь интереснее, но оставляет неуверенность в том, что удалось выявить все частные погрешности.

III (12—11). Критика фиксации. Под критикой здесь имеется в виду прежде всего проверка полноты и точности фиксации. Эта проверка включает в себя оценку возможностей и лимитов каждого из примененных способов фиксации и выверку аккуратности их применения. Это позволяет если не восстановить незафиксированные детали, то, по крайней мере, установить, где и какого рода пропуски можно предполагать.

IV (11—10). Критика подлинности. Имеется в виду проверка отбора подлинной информации. Включает оценку примененных методов отбора, а в остальном сводится к повторению отбора, так как выверка применения методов совпадает с отбором в силу критического характера самой операции отбора.

V (10—9). Критика установки. Это проверка отбора нужной информации. Такая проверка затронет критерии и условия этого отбора, потребует охарактеризовать личность исследователя и уровень науки того времени, когда исследователь работал, а в остальном, как и на предшествующем этапе проверки, если сомнения не исчезли, остается лишь проделать отбор заново. Разумеется, это далеко не всегда возможно: то, что было отброшено в поле, большей частью утрачено безнадежно, и можно лишь установить, в каких случаях не исключается, что объекты определенного рода в изучаемом пространстве существовали.

VI (9—8). Критика наблюдения. В своей известной статье в «Советской археологии» А.А.Формозов (1977) под «критикой источников в археологии» имел в виду в основном эту часть работы. Это проверка полноты обнаружения объектов в изучаемом пространстве. В ходе та-

кой проверки надлежит оценить методику обследования, оснащенность экспедиции, компетентность и добросовестность исследователей, учесть уровень развития науки и условия работы, а если дело идет о больших территориях, то изученность местности. Провести для контроля повторное обнаружение, конечно, возможно, но если иметь в виду раскопки, то только пока раскопки данного объекта (или данной части объекта) еще идут. По их окончании остается лишь предполагать необнаруженные детали, исходя из указанных выше оценок и из сопоставления с аналогичными комплексами.

VII (8—7). Критика границ. Под этим имеется в виду проверка выбора и ограничения пространства, на котором производятся исследования. Для нее достаточно оценить размер участка и его богатство археологическими материалами сравнительно с другими территориями. Факторы, которые определяли этот выбор (ассигнования, доступность участка и проч.), рассматриваются историографией, а для критической проверки интересны лишь в том случае, если сведения о выборе и ограничении участка не сохранились и предположительную характеристику их остается произвести по косвенным данным.

VIII (7—6). Музейная критика. Оценка размаха и последствий современной деструкции и выделение той части информации, которая этой деструкцией не затронута. Очень существенно прикинуть, что за информация могла быть в утраченных частях. Главная опора в этой селекции — музейная и полевая документация, если полевая документация сохранилась. Сопоставление само собой напрашивается. Если полевая документация нет, остается надежда на аналогии и на разнородные сведения по истории коллекций.

IX (6—5). Критика остатков. Оценка размаха и последствий древней деструкции — естественной (*фоссилизация*) и искусственной. Но ведь, строго говоря, последствия разрушительных процессов можно оценить только тогда, когда известно, что существовало до разрушения. А это как раз неизвестно, и вся оценка нужна именно для того, чтобы это реконструировать. Положение, однако, не так безнадежно, как могло бы показаться на первый взгляд.

Во-первых, во многих случаях уцелевшие после разрушения остатки (следы и фрагменты) однозначны или немногозначны — допускают всего один или несколько определенных вариантов реконструкции. Во-вторых, в ряде случаев сами факторы разрушения известны, так что можно установить, какие депозиты должны были бы разрушиться (и, следовательно, возможно, существовали), а какие уцелели бы (и, коль скоро их нет, то значит, и не было).

В-третьих, аналогичные лучше сохранившиеся объекты, очень полно сохранившиеся (как, скажем, Помпеи, гробница Тутанха-

мона, Пазырыкские курганы, Толундский болотный труп), могут послужить моделями для такой реконструкции.

Критическая работа при реконструкции, таким образом, на этом этапе сводится к трем сериям операций. Эти три суть: а) подсчет степеней свободы в реконструкции из остатков различного рода, б) установление действовавших в данном случае разрушительных факторов с оценкой их эффективности, в) рассмотрение изучаемых объектов на фоне лучше сохранившихся объектов того же рода.

X (5—4). Критика отложений. Оценка изменений при переходе объектов из живой культуры в мертвую. Эта оценка должна охватывать «депозиционную» селекцию, проводившуюся носителями древней культуры (их «тенденциозность»), «некротическую» трансформацию (сдвиги элементов, изменения пропорций и т. п. в мертвой культуре по сравнению с живой), компрессию. Именно здесь, в этих операциях лежит центр тяжести так называемой «оценки познавательных возможностей» разных видов археологических источников — разных типов памятников, категорий инвентаря и т. д. Методы приведения параметров мертвой культуры к параметрам живой, связанные с пересчетом долей и разделением спрессованного, сложны, но достаточно строгими.

XI (4—3). Критика вещей. Оценка сложностей опредмечивания поведенческих актов — связи между работой и артефактом, процессом и результатом, действиями и следами. Казалось бы, что за сложности? Установить закономерные соответствия, проследить регулярности, вычислить корреляции — и все тут. Появится сетка универсальных «коррелятивов» и останется только сформулировать правила соответствия и применять их.

Но это, увы, не так (Клейн 1981). Культура полисемична. Устойчивых соответствий нет, есть лишь более или менее заметные предпочтения, обычно локальные, временные и конкретно обусловленные. Каждый случай нужно рассматривать особо. Предстоит обнаружить, в каких случаях одинаковые действия привели к разным результатам. Это важно сделать, чтобы не переоценить различия, не преувеличить их значение. Еще важнее, однако, обнаружить более редкую, к счастью, ситуацию — когда разные действия привели к одинаковым (или, точнее, трудноразличимым) результатам (Adams 1968; idem 1973). Ведь здесь мы оказываемся перед опасностью спутать совершенно различные явления и рискуем направить дальнейшее расследование по ложному пути.

Наложница, удушенная при погребении знатного господина, и супруга, умершая одновременно с мужем, могут возлежать в могиле очень схоже, но действия на похоронах были сугубо различны, и различны были социальные

явления, скрывающиеся за ними. Критическая оценка сложностей, осознание их, ориентирует исследователя на поиск решающих опознавательных деталей (например, стратиграфические следы прихоронения) и на рассмотрение изучаемого объекта в более широкой системе (например, сопоставление с аналогичными могилами, где подготовленная для второго трупа половина могильного пространства осталась незаполненной — Итина 1954).

Дальше этого уровня познания современная бихевиористическая археология идти не желает: ее пугает зыбкость почвы для дальнейшего пути. Но действительно ли дальнейшие участки непроходимы?

XII (3—2). Критика поведения. Здесь под этим разумеется оценка расхождения между идеями и их реализацией в поведении. В сущности, это психологическая задача — по поведению угадать идеи. Эта психологическая задача очень трудна даже в тех случаях, когда речь идет о живых людях, наших современниках и соотечественниках, чувства, мысли и намерения которых мы понимаем лучше, чем психологию людей, далеких по культуре и эпохе. Все же в этих случаях мы можем опереться в ее решении на множество мелких подробностей, привлечь словесные признания, вообразить себя в той же ситуации, сделать поправки на отличия Другого от Себя, от «Я»... Все это почти начисто отпадает, когда к идеям нужно идти от археологических остатков и восстановленных по ним поведенческих действий.

Чтобы восстановить индивидуальную идею в такой ситуации, нужно обнаружить более адекватную реализацию той же идеи — например, оригинал артефакта, подвергшийся имитации. Умеем ли мы это делать? Пожалуй, умеем. Методика определения направленности типологического ряда (по типологическим рудиментам) и направленности влияния (по изолированности модов) есть средство решения подобных задач.

Более надежно восстанавливаются «разделяемые идеи» (shared ideas) — социальные нормы: если отклонений от идеала много, но и они подчинены закону нормального распределения, то выявить идеал нетрудно. Здесь в нашем распоряжении статистическая методика усреднения, идеализации, типизации, обобщения. Еще Г. Чайлд рассматривал ручное рубило как первую идею. Возникает, однако, вопрос: всегда ли отклонения от идеала подчиняются закону нормального распределения? Не могут ли возникнуть систематические сдвиги под действием одинаковых векторных давлений? Это призвана установить критическая оценка всей ситуации.

XIII (2—1). Критика идей. Оценка адекватности, с которой в конкретных идеях древнего человека отражались явления бытия, стимулировавшие поведение. Критика идей лежит в

сердцевине реконструкции исчезнувшей жизни по идеям, отложившимся в вещах, и, следовательно, вообще по археологическим фактам. Как древний человек реагировал на явления его бытия, как воспринимал их, и можно ли, восстановив по его реакциям его идеи, затем судить об этих явлениях? Эта оценка должна учесть не только проявления индивидуальных расхождений случайного характера, не только локальные различия, связанные с расой, этносом, полом, возрастом, классом, сословием, кастой, но и специфику первобытного и древнего сознания.

У нас много и усердно опровергали Л. Леви-Брюля, однако теперь становится все яснее, что, как бы ни объяснять природу постулированных им законов первобытного мышления, само наличие этих специфических законов он обнаружил верно. Не совпадало с современным и мышление античного человека, пронизанное мифологичностью. Даже поступки средневекового человека останутся нам совершенно непонятными, если мы будем воображать его себе сугубо рациональным деятелем, строго логически рассуждающим и здраво оценивающим свои интересы и историческую ситуацию. Да и позже сколь важное место в сознании личностей и общественных групп занимали иллюзии, мифы и предрассудки — религиозные, шовинистические, царистские, утопические, сословные, партийные и проч.! Приходится учитывать способность и готовность человека к абсурду.

Между тем мы часто склонны судить об обстановке в первобытном и древнем мире по идеям и поступкам древних людей, забывая об этих западнях и ловушках и подыскивая наивно-рационалистические объяснения древним идеям и поступкам с помощью сегодняшнего «здорового смысла» и обрывочных сведений о тогдашнем бытии. Эти объяснения активно участвуют в нашей системной организации сведений о тогдашнем бытии и таким образом способствуют формированию ложной исторической картины. Критика идей призвана предотвратить этот уклон.

Как первобытные люди мыслили и чувствовали, осознавали свое бытие и самих себя, мы узнаем по древним изобразительным и символическим памятникам, по этнографическому и психологическому изучению отсталых групп населения, по теоретической реконструкции. Симптоматично, что в последние десятилетия к этой тематике все больше обращаются исследователи первобытной экономики (производства, остального хозяйства и экономических отношений).

XIV (1—0). Критика стимулов. Оценка степени необходимости и неизбежности тех конкретных стимулов (исторических явлений, событий, ситуаций), которыми могло быть обусловлено (через идеи) отложившееся в археологи-

ческих остатках и выявленное по ним поведение древних людей. Это связано с выявлением регистра (границ и возможностей) вероятностной детерминации в каждом случае, где такая детерминация имела место; это связано также и с констатацией случаев плюрикаузальности.

Из этого определения видно, что если критика идей означает реконструкцию стимулов, то критика стимулов выводит на реконструкцию исторического процесса, причинно-следственной связи, и нуждается в анализе очень широких исторических перспектив. Такой анализ вряд ли осуществим на базе только археологических источников. Следовательно, критика стимулов выходит за пределы собственно археологии. Археологическое исследование в собственном смысле заканчивается на предшествующем этапе.

Археолог может, конечно, вторгаться в эту сферу, если образование позволяет ему ориентироваться в ней, но он должен быть в ней очень осторожен, сознавая, что это все-таки не его компетенция — он здесь не профессионал.

Представленный здесь перечень фаз конверсии (соответственно реконверсии) четко делится на две половины. Что касается конверсии, первые семь актов представляют образование (1-4) и умирание (5-7) материальной культуры. Результат — археологический источник. Семь последующих фаз представляют ее первичное, преимущественно эмпирическое познание (разведка, раскопки, фиксация и т. д.).

Процедура исследования, осуществляющего это познание, главным образом, следует реконверсии, но с некоторыми оговорками. Эта связь реализуется в двух вариантах.

Если исследователь строит свое исследо-

вание на первоисточниках, то ход процедуры совпадает с конверсией, охватывающей этапы 8-14 и включает в себя внешнюю критику археологических источников (этап П). Результатом исследования является перевод археологического источника из вещной формы в обобщенную понятийную, пригодную для оперирования в науке. Продолжением выступает интерпретационное исследование, процедура которого следует реконверсии по этапам 7-1. Основой этого исследования является внутренняя критика археологического источника (оценка изменений информации в каждом шлюзе), а результатом — создание нового источника, исторического (Лебедев 1973).

Когда же исследователь работает не по первоисточникам, а по литературным данным (используя «привлеченный материал»), вся процедура следует полному курсу реконверсии по этапам 14-1, а внешняя критика источника расширяется на все первые семь этапов (14-3), так как требуется проверка преобразований и в каждом из этих шлюзов. Только по окончании реконверсии (14-1) начинается исследование историческое, социологическое или культурологическое.

На деле реализация этой процедуры даже сложнее, поскольку эта прямая логическая схема обработки информации — только основа, на которой строятся разные подходы к материалу. Эти разные подходы связаны с разным пониманием взаимоотношений между фактом и выводами, с разным размещением обобщения, гипотезы и проблемы.

Но под всеми этими вариантами процедуры покоится общая база — процесс конверсии и реконверсии информации через эти 14 шлюзов.

IV. Заключение

Предпринятый анализ АФ отличается от предшествующих опытов одним обстоятельством. Все предшественники сосредоточивали внимание на философском аспекте темы — они выявляли соотношение между объективным и субъективным в АФ, и цель их была показать, сколь значительна доля субъективно фактора. Показать, дабы предостеречь от самонадеянного оптимизма. Они также много занимались терминологическими тонкостями, чтобы философские акценты были расставлены достаточно ясно. Мне же удалось выявить связь между *структурой АФ* и *процедурой археологического исследования*. Усложнение АФ, придание ему глубины для меня не повод для пессимизма, а побуждение к работе — к увеличению протяженности и объема процедуры, к разработке новых ее этапов и операций. Не к философским спекуляциям ведет это исследование, а к методам работы.

Современные исследователи как на Западе, так и в СССР пришли к выводам о четырех-

уровневой глубине АФ, что соответствовало бы четырехэтапной процедуре археологического исследования. Только С.Г.Х.Даниелс из Нигерии предложил в 1972 г. семиэтапную процедуру (без связи с АФ). Дэвид Кларк в 1973 г. писал, в сущности, о 4 уровнях факта и 5 этапах процедуры, когда делил общую теорию археологии на последовательные шаги в своей знаменитой статье «Археология: потеря невинности». В 1975 г. я предложил 14-этапную процедуру, а обоснованием этой процедуры было мое понимание многоступенности АФ, разработанное тогда же и печатаемое теперь.

В наши дни дробление процедуры и скрупулезное уточнение количества ее этапов приобретает особое значение в связи с перспективой разработки компьютерной интерпретации археологических фактов на базе так называемого «искусственного интеллекта» (Ennals, Brough 1982; Gardin et al. 1987; Stutt 1988; idem 1990; Stutt, Shennan 1992). Машина требует максимального дробления операций. Сегодня не-

достаточно знать, что АФ глубок, — нужно знать какова его глубина, сколько в нем ступеней.

Невинность археологии утрачена давно. Ныне вопрос не в том, чтобы высказывать по

этому поводу сокрушение, сомнение или удовлетворение (все это было), а в том, чтобы это событие оказалось плодотворным — привело к рождению сильной и здоровой парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев Н. 1925. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции // «Пролетарская революция», 1. С. 158.
- Барг М.А. 1984. Категории и методы исторической науки. М.
- Библер В.С. 1969. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М. С. 98-101.
- Блок М. 1973. Апология истории. М.
- Бочкарев В.С. 1973. К вопросу о структуре археологического исследования // Тезисы докладов сессии: посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР. Ташкент. С. 56-60.
- Быковский С.Н. 1931. Методика исторического исследования. Л. 1931. С. 29-31.
- Викторова В.Д. 1975а. Археологический факт // Вопросы археологии Урала (Свердловск). Вып. 13. С. 17-26.
- Викторова В.Д. 1975б. Принцип предметно-практической деятельности как основание для систематизации археологических фактов. // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. 3. С. 18-19.
- Викторова В.Д. 1989. Научный поиск в археологии. Свердловск.
- Генинг В.Ф. 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев.
- Герасимов Л.Г. 1972. Научное исследование. М.
- Городцов В.А. 1908. Первобытная археология. М.
- Гуревич А.Я. 1969. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М. С. 59 — 88.
- Дорошенко Н.М. 1968. К вопросу о характере исторического знания // Проблемы философии и социологии. Л. С. 24 — 29.
- Дорошенко Н.М. 1971. К проблеме факта в историческом познании // Методологические вопросы общественных наук. Вып. 2. Л. С. 34 — 41.
- Захарук Ю.Н. 1970. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. С. 7-16.
- Захарук Ю.Н. 1973. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент. С. 44-45.
- Захарук Ю.Н. 1975. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. С. 4-6.
- Захарук Ю.Н. 1977. О понятии «факт» в археологической науке // СА. №4. С. 30 — 40;
- Иванов Г.М. 1962. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке // ВИ. №12. С. 73-87.
- Ирибаджаков Н. 1972. Клио перед судом буржуазной философии. София.
- Итина М.А. 1954. К вопросу об отражении общественного строя в погребальном обряде первобытных народов // СЭ. №3. С. 63-68.
- Кипарисов Ф.В. 1933. Вещь — исторический источник // Известия ГАИМК. Вып. 100. С. 3-22.
- Клейн Л.С. 1975. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии. Л. С. 42-44.
- Клейн Л.С. 1978. Археологические источники. Л. (2-е изд.: СПб., Фарн, 1995).
- Клейн Л.С. 1981. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск. С. 16-18.
- Кон И.С. 1959. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. СОЦЭКГИЗ, с. 238.
- Колпаков Е.М., Вишняцкий Л.Б. 1993. Современная советская теоретическая археология // Археологические вести. СПб.
- Копнин П.В. 1966. Введение в марксистскую гносеологию. Киев.
- Косолапов В.В. 1964. Гносеологична природа наукового факту. Київ.
- Косолапов В.В. 1965. Факт как основание научного знания // Логика научного исследования. М.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. // ИГАИМК. Вып. 119. М. — Л.
- Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. 1899. Введение в изучение истории. СПб.
- Маркарян Э. С. 1969. Очерки теории культуры. Ереван.
- Мегрелидзе К.Р. 1935. Н. Я. Марр и философия марксизма // Проблемы истории материальной культуры. №3-4.
- Мейер Э. 1904. Теоретические и методологические вопросы истории. М.
- Мерзон Л.С. 1968. К вопросу о гносеологической природе фактов науки // Ученые записки Ленинградского Педагогического института им. Герцена. Т. 365. Л.
- Монтень М. Опыты. Кн. III, гл. VIII.
- Нарский И.С. 1961. Современный позитивизм. М.
- Пронштейн А.П. 1971. Методика исторического исследования. Ростов.
- Ракитов А.И. 1982. Историческое познание. М.
- Саар Г.П. 1930. Источники и методы исторического исследования. Баку.
- Сеньобос Ш. 1902. Исторический метод в приложении к социальным наукам. М
- Форд Д.А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. // СЭ. Вып. 1. С. 32-43.
- Формозов А.А. 1977. О критике источников в археологии. // СА. №1. С. 5 — 14.
- Французова Н.П. 1972. Исторический метод в научном познании. М.
- Фюстель де Куланж Н.Д. 1907. История общественного строя древней Франции. СПб. Т. 3.
- Шер Я.А. 1976. Методологические вопросы археологии. // Вопросы философии.

- Шер Я.А. 1985 К характеристике понятия «археологический факт». // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск. С. 5 — 16.
- Штофф В.А. 1972. Введение в методологию научно-го познания. Л.
- Adams W.Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? // *Antiquity*. Vol. 42. P. 194-215.
- Adams W.Y. 1973. The archaeologist as detective // D. W. Lathrap and J. Douglas (eds.). *Variation in anthropology: Essays in honor of John C. McGregor*. Ann Arbor, Mich., Braun-Brunfield. P. 17-29.
- Arnau F. 1959. Kunst der Fälschung der Kunst.
- Arnau F. 1961 (англ. пер.) 3 000 years of deception in art and antiquities. London.
- Becker C.L. 1955. What are historical facts? // *The Western Political Quarterly*. Vol. VIII. No. 3.
- Binford L.R. 1962. Archaeology as anthropology // *American Antiquity*. Vol.28, N 2. P.217-225.
- Binford L.R. 1965. Archaeological systematics and the study of culture process // *American Antiquity*. Vol.31. P. 203-210.
- Binford L.R. 1968. Archaeological perspectives // Binford L.R. and L. R. (eds.). *New perspectives in archaeology*. Chicago, Ill., Aldine, 1968. P. 5-32.
- Binford L.R. 1972. An archaeological perspective. New York, London.
- Binford L.R. 1989a. Debating archaeology. San Diego et al.
- Binford L.R. 1989b. Data, relativism, and archaeological science (1987). // L.R.Binford. *Debating archaeology*. San Diego et al. P. 55-57.
- Brew J.O. 1946. The use and abuse of taxonomy // *The archaeology of Alkali Ridge, Southern Utah (Papers of the Peabody Museum, 21)*. Cambridge, Mass. P. 44-66.
- Carr E.H. 1964. What is history? London.
- Childe V.G. 1935. Changing methods and aims in prehistory // *Proceedings of the Prehistoric Society, 1935*, pt. 1. P. 3-16.
- Clarke D.L. 1968. Analytical archaeology. London.
- Clarke D.L. 1973. Archaeology: the loss of innocence // *Antiquity*. Vol.XLVII. P. 15-16.
- Collingwood R.G. 1961. The idea of history. Oxford.
- Collins M.B. 1975. Sources of bias in processual data: An appraisal. // J. W. Mueller (ed.). *Sampling in archaeology*. Tucson, University of Arizona Press: 26-32.
- Courbin P. 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago, London, University of Chicago Press.
- Croce B. Die Geschichte als Gedanke und als Tat. S. 404.
- Daniel G.E. 1950. Hundred years of archaeology. London.
- Daniel G.E. 1962. The idea of prehistory. London.
- Daniel G.E. 1967. The origins and growth of archaeology. Baltimore.
- Daniels S.G.H. 1972. Research design models // D.L.Clarke (ed.). *Models in archaeology*. London. P. 201-229.
- Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Kirchner H. (Hrsg.). *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahl-Festschrift)*. Heidelberg. S. 49-59.
- Eggers H.-J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München.
- Annals J.R. and Brough D.R. 1982. Representing the knowledge of the expert archaeologist // *Computer applications in archaeology*. P. 132-144.
- Ford J.A. 1954a. Comment on A. C. Spaulding «Statistical techniques for the discovery of artifact types» // *American Antiquity*. Vol. 19. P. 390-391.
- Ford J.A. 1954b. The type concept revisited // *American Anthropologist*. Vol. 56. P. 42-54;
- Fustel de Coulanges N.D. 1922. Histoire des institutions politiques de l'Ancienne France. Ed. 4-me. Vol. 4. Paris.
- Gardin J.-C. et al. 1987. Systemes expertes et sciences humaines: le cas de l'archéologie. Paris.
- Goodman N. 1951 Structure of appearance. Cambridge, Mass.
- Goodman N. 1965. Fact, fiction and forecast. 2d ed. New York.
- Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster.
- Hill J.N. 1970. Broken K Pueblo: Prehistoric social organization in the American Southwest // *Anthropological Papers no. 18*, Tucson, University of Arizona Press.
- Hoare R.C. 1812. The Ancient history of South Wiltshire.
- Hodder I. 1986/1991. Reading the past. Cambridge, Cambridge University Press (цит. по 2-му изд. 1991).
- Jacob-Friesen K.-H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über rassen, Völker und Kulturen in urgeschichtlicher Zeit. Hannover.
- Krause R.A. and Thorne R.M. 1971. Toward a theory of archaeological things. // *Plains Anthropologist*. Vol.16. S. 245-257.
- Krieger A.D. 1944. The typological concept // *American Antiquity*. Vol. 9. N 3. P. 271-288.
- Munro R. 1905. Archaeology and false antiquities. London.
- Paul E. 1963. Studien der Antikenfälschungen. Leipzig.
- Ranke L. von 1874. Sämtliche Werke. Bd. 33-34. Leipzig.
- Rouse I. 1939. Prehistory in Haiti: a study in method // *Yale University Publications in Anthropology*, 21. New Haven, Con.
- Schiffer M. B. 1972. Archaeological context and Systemic context. // *American Antiquity*. N 2. P. 156-165.
- Schiffer M. B. 1976. Behavioral archaeology. New York et al.
- Simon R. 1678. La histoire critique du Testament Vieux. Paris.
- Spaulding A.C. 1953. Statistical techniques for the discovery of artifact types // *American Antiquity*. Vol. 18. N 4. P. 305-313.
- Steward J. H. and Setzler F.M. 1938. Function and configuration in archaeology. // *American Antiquity*. Vol. 4 (1). P. 4-10.
- Strong W.D. 1936. Anthropological theory and archaeological fact // R. H. Lowie (ed.). *Essays in anthropology*. Berkeley.
- Stutt A. 1988. Second generation expert systems, explanations, arguments and archaeologists // Rahtz S.P.Q. (ed.). *Computer and quantitative methods in archaeology*. Oxford, BAR Internat. Ser. 446. P. 336-368.
- Stutt A. and Shennan S. 1990. The nature of archaeological arguments // *Antiquity*. Vol. 64. N 245. P. 766-777.
- Sullivan A. 1978. Inference and evidence in archaeology: A discussion of the conceptual problems // *Advances in archaeological method and theory*. Vol.1. New York et al., Academic Press. P. 193-194.
- Taylor W.W. 1948. A study of archaeology // *American Anthropologist*. Vol. 50. N 3, pt. 2, Memoir 69.

- Menasha, American Anthropological Association.
- Toynbee A.J. 1964. A study of history. Vol. 12. Reconsiderations. London et al.
- Watson P. J., LeBlanc S.A. and Redman Ch.L. 1971. Explanation in archaeology. New York, London.
- Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. Grenzen frühgeschichtlichen Erkenntnis. I. Heidelberg (Sitzungsberichte der Hedelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1940/41, Abh. 2).